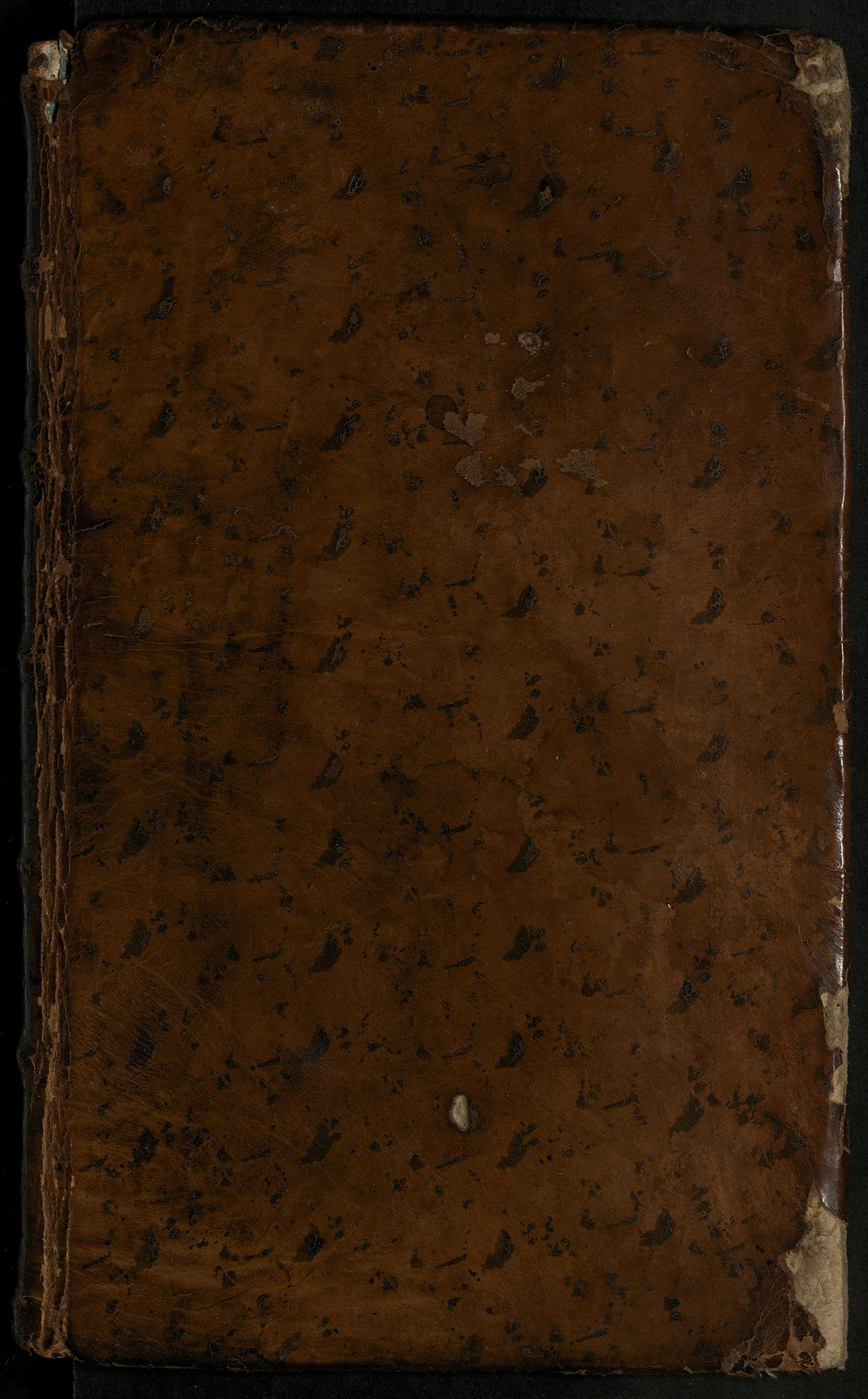

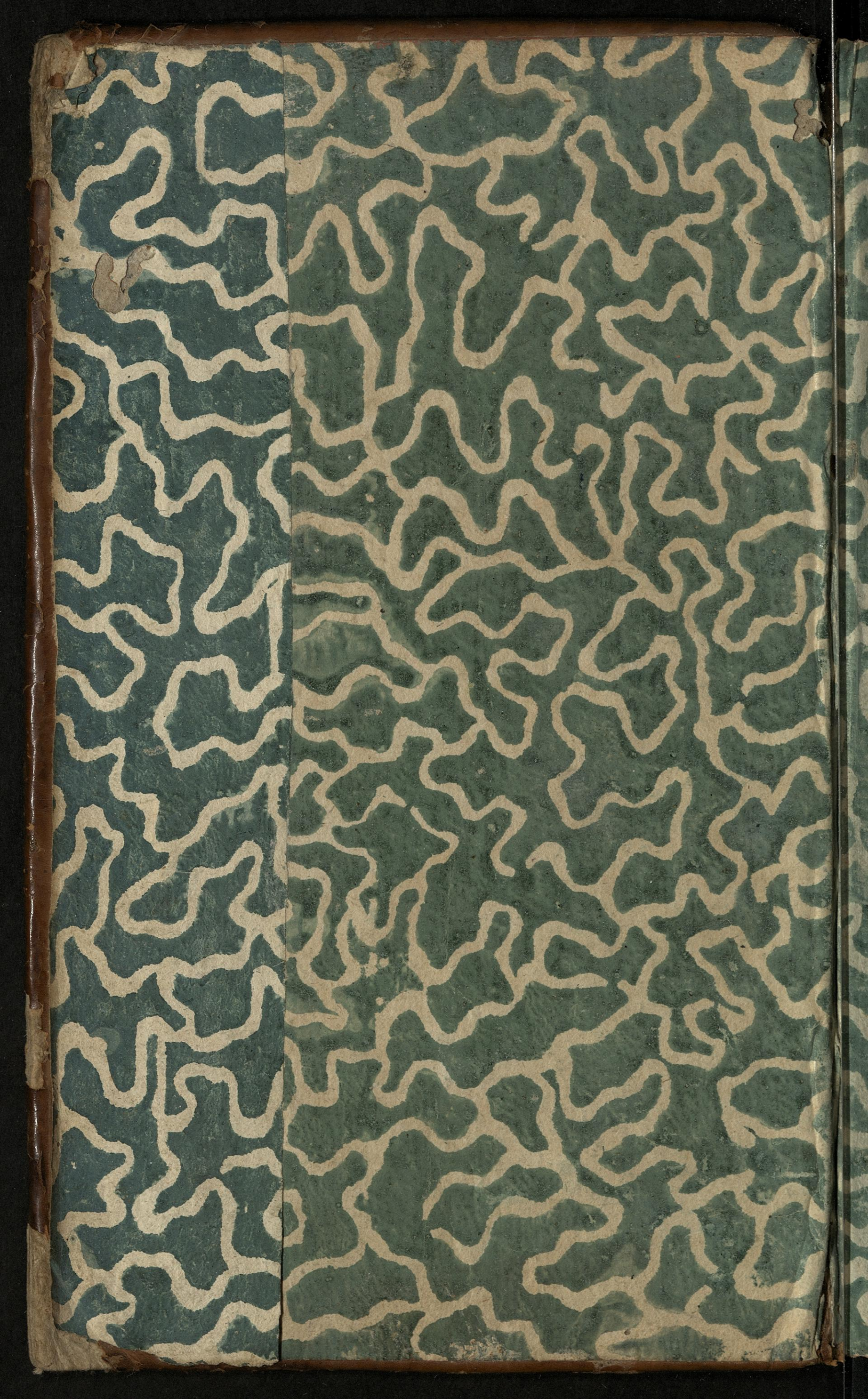

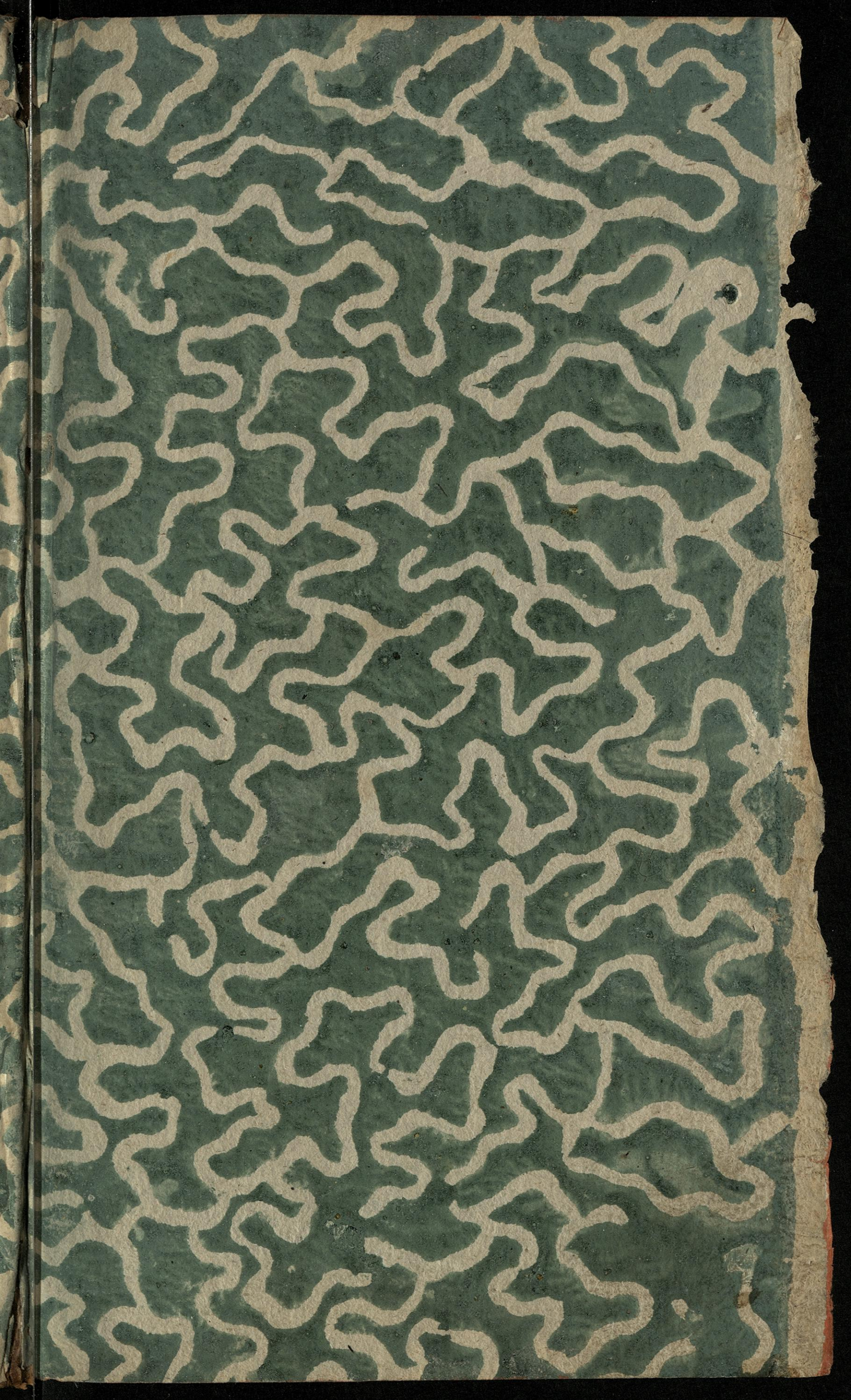

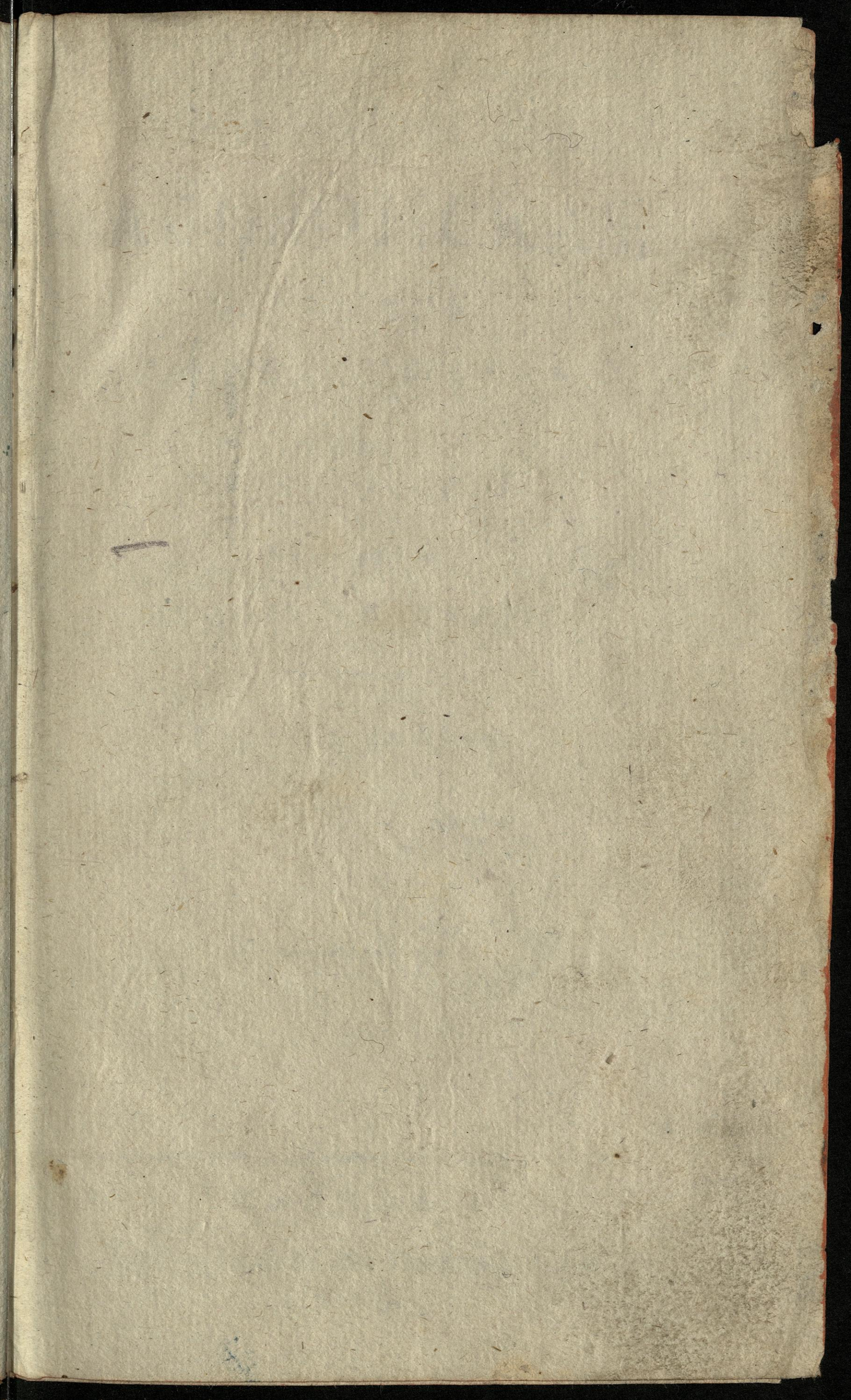

изъ Книгъ Александра Шустроева

ПРИНЦЕССА ВАВИЛОНСКАЯ,

СОЧИНЕНІЯ

ГОСПОДИНА В***

съ

Французскаго

перевелъ

ѲЕДОРЪ ПОЛУНИНЪ.

Изданіе второе.

МОСКВА,

Въ Типографіи Компаніи Типографической;

1788.

ПРИНЦЕССА ВАВИЛОНСКАЯ.

§. 1.

Белусъ, древній Король Вавилонской, почиталъ себя первымъ человѣкомъ на свѣтѣ, потому что всѣ его придворные ему то сказывали и Историографы его объ ономъ же увѣряли. Естьли можно чѣмъ его въ семъ смѣшномъ мнѣніи извинить, то не инымъ, какъ только тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ предки его построили Вавилонъ болѣе тритцати тысячь лѣтъ до него, и что онъ его украсилъ. Извѣстно, что дворецъ его и звѣринецъ въ разстояніи на нѣсколько Персидскихъ миль отъ Вавилона распространялись между Евфратомъ и Тигромъ, омывающими сіи прекрасные берега. Обширной его домъ, имѣющій въ фасадѣ три тысячи шаговъ, воздымался

мался подъ облака. Верьхъ онаго дома окруженъ былъ оградою изъ бѣлаго мрамора, вышиною пяти-десяти футовъ, на коемъ поставлены были статуи ужасной величины всѣхъ Королей и великихъ людей государства. Сія площадь была сдѣлана въ два ряда кирпичей и покрыта толстыми свинцовыми плитами отъ одного конца до другаго, а сверьхъ насыпана была землею на двенатцать футовъ, и на оной землѣ насажены были рощи изъ деревьевъ оливковыхъ, померанцовыхъ, цитронныхъ, пальмовыхъ, гвоздичныхъ, орѣховыхъ, кокосѣ называемыхъ, коришневыхъ, которыя составляли алеи, непроницаемыя солнечными лучами.

Воды Евфратскія, возвышенныя насосами во сто столбовъ вкопанныхъ, текли въ сіи сада наполнять обширные бассейны мраморные, и обращаяся по томъ другими каналами, составляли въ звѣринцѣ каскады длиною шести тысячь футовъ и сто тысячь водяныхъ возвышеній, коихъ вышину едва увидѣть было

мо-

можно; а наконецъ возвращались въ Евфратъ, изъ коего произтекали. Сады Семирамидины, удивлявшіе Азію множество вѣковъ послѣ того, были только слабымъ подражаніемъ сихъ древнихъ диковинокъ, потому что со времени Семирамиды все начало перераждаться у мущинъ и у женщинъ.

Но что было всего удивительнѣе въ Вавилонѣ, что все прочее затмѣвало, была одна только дочь Королевская Формозанта. Съ ея-то портретовъ и статуй Пракситель въ послѣдующіе вѣки вырѣзалъ свою Афродиту, и ту, которую называли прекрасною Венерою. Какое различіе, о небо! между оригиналомъ и копіями! Белусъ больше былъ надмѣнъ своею дочерію, нежели какъ всемъ своимъ государствомъ. Ей было осьмнатцать лѣтъ; надобенъ былъ ей супругъ ея достойной; но гдѣ его найти? Древній Оракулъ (*) приказалъ, чтобъ Формозанта не иному кому принадлежала, какъ только тому, которой на-

(*) Языческое предсказательное божество.

натянетъ лукъ Нимвродовъ. Сей сильной Нимвродъ, будучи охотникъ, оставилъ лукъ, вышиною семи футовъ Вавилонскихъ, сдѣланной изъ эбенова дерева гораздо крѣпче желѣза горы Кавказской, вырабатываемаго въ Дербенскихъ кузницахъ, и никто изъ смертныхъ послѣ Нимврода не могъ натянуть сего удивительнаго лука.

Сказано было еще, что тотъ, которой сей лукъ натянетъ, убьетъ льва наиужаснѣйшаго и свирѣпѣйшаго, пущеннаго на лобномъ мѣстѣ въ Вавилонѣ. Сего было не довольно: натягиватель лука, побѣдитель льва долженъ побѣдить всѣхъ своихъ совмѣстниковъ и сверьхъ того быть наиразумнѣйшимъ, прекраснѣйшимъ, добродѣтельнѣйшимъ и имѣть вещи наидрагоцѣннѣйшія во всемъ свѣтѣ.

Пріѣхали три Короля, кои осмѣлились спорить за Формозанту: Фараонъ Египетскій, Шахъ Индѣйскій и великій Ханъ Скиѳскій. Белусъ назначилъ день и мѣсто сраженія на концѣ своего звѣринца въ пространномъ разстояніи, окруженномъ

во-

водами Евфрата и Тигра соединенныхъ. Около лобнаго мѣста сдѣланъ былъ амфитеатръ изъ мрамора, на которомъ могло помѣститься пять сотъ тысячь зрителей. Противъ амфитеатра былъ тронъ Короля, коему должно было притти съ Формозантою въ провожаніи всего двора, и по правую и лѣвую стороны между трономъ и амфитеатромъ были другіе троны и мѣста для трехъ Королей и для всѣхъ прочихъ владѣтелей любопытныхъ видѣть сію преславную церемонію.

Прежде всѣхъ пріѣхалъ Король Египетскій верьхомъ на быкѣ Аписѣ, державъ въ рукѣ цитру Изисину. За нимъ слѣдовали двѣ тысячи жрецовъ, одѣтыхъ въ бѣлыя полотняныя одежды бѣлѣе снѣгу, двѣ тысячи евнуховъ, двѣ тысячи чернокнижниковъ и двѣ тысячи воиновъ.

Король Индѣйскій пріѣхалъ скоро по томъ въ колесницѣ на двенатцати слонахъ. Свита его была еще гораздо многочисленнѣе и великолѣпнѣе Фараона Египетскаго.

Послѣдній пріѣхалъ Король Скиѳскій; при немъ были только воины избранные, вооруженные луками и стрѣлами. Онъ ѣхалъ на преизрядномъ тигрѣ, коего усмирилъ, и которой былъ такъ великъ, какъ самая хорошая Персидская лошадь. Повелительной и величавой видъ сего Монарха помрачилъ его соперниковъ. Руки его голыя, жиловатыя и бѣлыя предвѣщали уже, что онъ Нимвродовъ лукъ натянетъ.

Сіи три Государя пали тотчасъ предъ Белусомъ и Формозантою. Король Египетскій подарилъ Принцессѣ два наилучшихъ крокодила Нильскихъ, двѣ морскихъ лошади, двѣ крысы Египетскія и двѣ муміи (*) съ книгами великаго Гермеса, что онъ почиталъ за наибольшую рѣдкость на свѣтѣ.

Король Индѣйскій подарилъ ей сто слоновъ съ башнями деревянными вызолоченными на каждомъ, и положилъ къ ногамъ ея вейдамъ, писанной собственною рукою Ксака.

Король

(*) Бальсамированное мертвое тѣло.

Король Скиѳскій, не умѣющій ни читать, ни писать, подарилъ сто лошадей, покрытыхъ попонами изъ черныхъ лисьихъ мѣховъ.

Принцесса потупила глаза противъ своихъ любовниковъ, и кланялась съ видомъ смиренія и благородства.

Белусъ приказалъ проводить сихъ Монарховъ на троны, имъ пріуготовленные. Для чего не имѣю я трехъ дочерей? сказалъ онъ имъ; я бы сдѣлалъ сего дня шесть человѣкъ щастливыми. По томъ велѣлъ онъ кидать жеребей, кому первому должно стрѣлять изъ лука Нимвродова. Положили въ золотой шлемъ имена трехъ претенденковъ. Короля Египетскаго вышло первое; по томъ вышло имя Индѣйскаго Короля. Король Скиѳскій, посмотря на лукъ и своихъ соперниковъ, не тужилъ, что былъ въ третьихъ.

Между тѣмъ, какъ къ симъ славнымъ опытамъ пріуготовленія произходили, двадцать тысячь пажей и двадцать тысячь молодыхъ дѣвушекъ подавали безъ замѣшательства закуски зрителямъ,

сидѣвшимъ по мѣстамъ. Весь народъ думалъ, что боги не для чего другаго владѣльцовъ опредѣляютъ, какъ для составленія ежедневныхъ торжествъ, чрезъ которыя бы можно почерпать увеселеніе, что жизнь чрезвычайно коротка, ежели другимъ образомъ препровождаема будетъ; что тяжбы, ухищренія, война, споры жрецовъ, снѣдающіе жизнь человѣческую, суть дѣла гнусныя и ужасныя; что человѣкъ рожденъ только для радости; что не любилъ бы увеселенія страстно и безпрестанно, естьли бы онъ не былъ къ тому рожденъ; что сущность человѣческой природы состоитъ въ наслажденіи веселія, и что прочее все глупость.

По начатіи сихъ опытовъ, которые должны были рѣшить судьбину Формозанты, молодой чужестранецъ, ѣдущій верьхомъ на единорогѣ въ провожаніи своего слуги на единорогѣ же, держащаго на рукѣ великую птицу, подъѣхалъ къ лобному мѣсту. Караульные удивились, увидя въ семъ экипажѣ человѣка, имѣющаго видъ божества. Это было, какъ

какъ послѣ говорили, лице Адонисово на тѣлѣ Геркулесовомъ, величество съ пріятнымъ видомъ. Брови его черныя и бѣлые длинные волосы, смѣшеніе красоты неизвѣстной въ Вавилонѣ, удивили собраніе: весь амфитеатръ поднялся, чтобъ его лучше осмотрѣть; всѣ придворныя Дамы устремили на него взоры свои съ великимъ удивленіемъ. Формозанта сама, потупившая до сего времени глаза, подняла оные и закраснѣлась; три Короля поблѣднѣли; всѣ зрители, сравнивая Формозанту съ симъ чужестранцемъ, вскричали, что нѣтъ въ свѣтѣ, кромѣ сего молодаго человѣка, которой былъ бы толь пригожъ, какъ Принцесса.

Притворники въ превеликомъ удивленіи спрашивали его: Король ли онъ? Чужестранецъ отвѣчалъ имъ, что онъ сей чести не имѣетъ, но что онъ пріѣхалъ изъ весьма дальней страны изъ любопытства, чтобъ посмотрѣть, есть ли Короли, достойные Формозанты. Ввели его въ первое мѣсто амфитеатра, слугу его, двухъ единороговъ и птицу.

Онъ

Онъ поклонился весьма низко Белусу, дочери его, тремъ Королямъ и всему собранію. По томъ сѣлъ на мѣсто закраснѣвшись. Два единорога легли у его ногъ, птица сѣла ему на плечо, а слуга, имѣя при себѣ небольшой мѣшокъ, сталъ по сторону его.

Опыты начались, выняли изъ золотаго ковчега лукъ Нимвродовъ. Оберъ-Церемоніймейстеръ въ провожаніи пятидесяти пажей, предшествуемъ двадцатью трубачами, поднесъ его Королю Египетскому, которой велѣлъ его благословить своимъ жрецамъ, и положа на голову быку Апису, не сомнѣвался, чтобъ не имѣть сей первой побѣды. Вышелъ посреди лобнаго мѣста, началъ пробовать, истощилъ свои силы и дѣлалъ такія тѣлодвиженія, которыя привели въ смѣхъ весь амфитеатръ, и заставили улыбнуться и Формозанту.

Главной его жрецъ, подошедъ къ нему, сказалъ: оставьте, Ваше Величество! тщетную сію честь, принадлежащую только мышкамъ и становымъ жиламъ: впрочемъ со-

всѣмъ вы побѣдите. Вы управитесь со львомъ, потому что имѣете саблю Озириса. Принцесса Вавилонская должна принадлежать Государю, одаренному наибольшимъ разумомъ, а вы отгадали загадки. Она должна выттти замужъ за наидобродѣтельнѣйшаго, а вы таковъ есть, потому что были воспитаны Египетскими жрецами. Найщедрѣйшій долженъ ее имѣть, а вы подарили двухъ наилучшихъ крокодиловъ и крысъ изо всего Делта. Вы имѣете быка Аписа и книги Гермесовы, наибольшія рѣдкости въ свѣтѣ. Никто не можетъ вамъ оспорить Формозанты. Ты правду говоришь, сказалъ Король Египетской, и возвратился на свой тронъ.

Подали лукъ Королю Индѣйскому. Онъ натеръ себѣ отъ онаго мозоли, которые въ двѣ недѣли не сойдутъ, и утѣшался въ мысляхъ своихъ тѣмъ, что и Король Скиѳскій не больше его будетъ имѣть щастія.

Король Скиѳскій взялся совсѣмъ иначе за лукъ. Онъ соединилъ искусство съ силою; оной нѣсколько

натянулъ, но не могъ его совсѣмъ спустить. Амфитеатръ, коему хорошій видъ сего Государя вливалъ склонныя къ нему мысли, воздыхалъ о маломъ его успѣхѣ и разсуждалъ, что прекрасная Принцесса никогда не будетъ выдана.

Тогда молодой чужестранецъ тотчасъ вышелъ посреди лобнаго мѣста, и подступя къ Королю Скиѳскому, сказалъ: не удивляйтесь, Ваше Величество! что вы совершенной удачи не имѣли; такіе эбеновые луки дѣлаются въ моей землѣ. Надобно только знать, какъ ихъ употреблять. Вы имѣете гораздо больше достоинства, что могли его натянуть, нежели какъ я могу имѣть, чтобъ его спустить. Тотчасъ взялъ онъ стрѣлу, направилъ на тетиву, натянулъ лукъ Нимвродовъ и пустилъ стрѣлу гораздо далѣе лобнаго мѣста. Всѣ ударили ему въ ладоши. Вавилонъ наполнился радостными восклицаніями и всѣ Дамы сказали: какое щастіе, что толь пригожій молодой человѣкъ имѣетъ такую силу!

По томъ вынялъ онъ изъ кармана маленькую дощечку, сдѣланную изъ слоновыхъ костей, и написавъ на ней золотою иглою, привязалъ ее къ луку, и все оное поднесъ Принцессѣ съ видомъ, увеселившимъ всѣхъ присутствующихъ. По томъ съ постоянным видомъ возвратяся, сѣлъ на своемъ мѣстѣ между птицею своею и слугою. Весь Вавилонъ былъ въ удивленіи; три же Короля были въ великомъ смущеніи, а чужестранецъ оказывалъ видъ, какъ будто бы онъ сего совсѣмъ и не примѣтилъ.

Формозанта еще больше удивилась, прочтя на дощечкѣ изъ слоновыхъ костей привязанной къ луку сіи стихи, писанные самымъ чистымъ Халдейскимъ языкомъ:

Нимвродовъ лукъ войну являетъ;
Лукъ любови щастье предвѣщаетъ;
Вы носите его; чрезъ васъ сей Богъ любви
Всей сдѣлался уже властитель онъ земли.
Три сильныхъ Короля хотятъ въ томъ спориться,
Кто будетъ честь имѣть изъ ихъ вамъ нравиться.
Не знаю кого въ томъ ваше сердце предпочтетъ,
Но знаю, ревность томъ во свѣтѣ произведетъ.

Сей

Сей небольшой мадригалъ Принцессѣ не былъ досаденъ. Его опорочивали нѣкоторые господа большаго двора, говоря, что иногда въ хорошую погоду сравнивали Белуса съ солнцемъ, а Формозанту съ луною, шею ея съ башнею, а грудь съ четверикомъ пшеницы. Они говорили, что чужестранецъ не имѣетъ совоображенія, и что онъ заблуждается въ правилахъ истиннаго стихотворства; но всѣ Дамы находили стихи весьма преизрядными. Онѣ удивлялись, что человѣкъ, пущающій толь хорошо стрѣлы изъ лука, имѣетъ и толь много разума. Знатная Принцессина Дама сказала ей: вотъ, милостивая государыня! дарованія въ совершенномъ уронѣ; къ чему будетъ служить сему молодому человѣку его разумъ и лукъ Белусовъ? Чтобъ ему удивлялись, отвѣчала Формозанта. Ахъ! сказала Дама про себя, еще мадригалъ, и онъ можетъ быть любимъ.

Однако Белусъ, посовѣтовавъ съ своими мудрецами, объявилъ, что какъ ни одинъ изъ трехъ Королей не могъ выстрѣлить изъ лука Нимвро-

вродова, то и не можетъ быть женатъ на его дочери, и что она будетъ принадлежать тому, которой управится съ большимъ львомъ, коего нарочно для того кормятъ въ его звѣринцѣ. Король Египетской, будучи воспитанъ во всей премудрости своей земли, почелъ, что весьма смѣшно, чтобъ Король за женидьбу предавался звѣрямъ. Онъ признавался, что обладаніе Формозантою великой цѣны стоило; но естьли левъ его раздеретъ, то онъ на сей прекрасной Вавилонкѣ никогда женатъ быть не можетъ. Король Индѣйскій согласился со мнѣніемъ Египтянина; оба вмѣстѣ заключили, что Король Вавилонской имъ смѣется, что надобно въ наказаніе ему привесть арміи; что они довольно имѣютъ подданныхъ, которые почтутъ себѣ за великую честь, чтобъ умереть въ службѣ своихъ Государей, такъ что ни одинъ волосъ съ освященныхъ ихъ главъ не погибнетъ, что они удобно могутъ ссадить съ престола Короля Вавилонскаго, и по томъ по

жеребью взять прекрасную Формозанту.

Сіи два Короля, заключивъ сей договоръ, отправили каждой въ свою землю нарочныхъ съ повеленіемъ, чтобъ собрать три ста тысячь человекъ арміи и увезть Формозанту.

Одинъ только Король Скиѳской сошелъ на лобное место, имея саблю въ рукахъ. Онъ не чрезвычайно былъ плененъ прелестями Формозанты; одно честолюбіе было до сего времени его страстію, оно привело его въ Вавилонъ. Онъ хотелъ показать, что хотя Короли Индейскіе и Египетскіе и довольно были разумны, что не предали себя на разтерзаніе львамъ, однако онъ напротивъ того имелъ столько храбрости, что не презрилъ сего сраженія, и что онъ поправитъ честь діадимы. Редкое его мужество не дозволило ему и употребить себе въ помощь своего тигра. Онъ пошелъ одинъ легко вооруженъ, покрытъ стальнымъ шишакомъ, оправленнымъ золотомъ, и

закрывшись тремя хвостами бѣлыхъ лошадей, подобныхъ снѣгу.

Выпустили противъ его преужаснѣйшаго льва, какой только могъ быть выращенъ въ горахъ Антиливанскихъ. Ужасные его когти могли вдругъ разтерзать всѣхъ трехъ Королей, а широкой его зѣвъ ихъ проглотить. Страшной его ревъ раздавался по всему амфитеатру. Сіи два гордые соперники одинъ противъ другаго побѣжали. Храброй Скиѳецъ вонзилъ свою саблю въ горло льву; но конецъ уткнувшись въ частые зубы, которые ничѣмъ проткнуть не можно, съ трескомъ переломился, а чудовище лѣсовъ, освирѣпѣвшее отъ своей раны, впустило уже хищные свои когти въ бока Монарха.

Молодой чужестранецъ, будучи тронутъ опасностію толь храбраго Государя, бросился подобно молніи на лобное мѣсто; отсѣкъ льву голову съ такимъ искусствомъ, съ какимъ въ нашихъ каруселяхъ молодые кавалеры схватываютъ Арапскія головы, или кольцы.

По томъ, вынявъ маленькую коробочку, поднесъ Королю Скиѳскому, сказавъ: Ваше Величество! найдете въ коробочкѣ дѣйствительной диктамъ (*), растущій въ моей землѣ. Славныя ваши раны въ минуту изцѣлѣютъ. Нечаянной только случай препятствовалъ вамъ побѣдить льва; мужество ваше чрезъ то не меньше удивительно.

Король Скиѳской, будучи тронутъ больше благодарностію, нежели ревностію, благодарилъ избавителя своего, и съ ласкою его обнявъ, возвратился домой, чтобъ употребить диктамъ къ излеченію своихъ ранъ.

Чужестранецъ отдалъ львову голову своему слугѣ; оной вымывъ ее въ большомъ фонтанѣ, бывшемъ пониже амфитеатра, и давъ стечь всей крови, вынялъ изъ мѣшка своего желѣзо, вырвалъ онымъ всѣ сорокъ зубовъ у льва и вставилъ вмѣсто

(*) Трава. Она двоякая, Критская и простая, которая послѣдняя также ясеннымъ корнемъ называется.

єто ихъ сорокъ алмазовъ равной величины.

Господинъ его съ обыкновеннымъ своимъ постоянствомъ возвратился на свое мѣсто, и отдавъ львову голову птицѣ, сказалъ: прекрасная птица! повергни къ стопамъ Формозанты сей славной знакъ глубочайшаго моего къ ней почтенія. Птица, взявъ въ одну изъ своихъ когтей сей славной знакъ побѣды, полетѣла; она поднесла оной Принцессѣ, преклоня съ уничиженіемъ голову, и простершись передъ нею. Алмазы ослѣпили всѣмъ глаза. Не знали еще тогда въ преславномъ Вавилонѣ сего великолѣпія: изумруды, топазы и сапфиры почитались только наивеликолѣпнѣйшими украшеніями. Белусъ и весь дворъ пришли въ удивленіе, а птица, принесшая сей подарокъ, ихъ еще больше удивила. Она была величиною съ орла; но глаза ея были пріятны и веселы, вмѣсто того, что у орла оные горды и страшны. Носъ ея былъ розоваго цвѣта и казался имѣть нѣкоторое сходство съ пре-

краснымъ ртомъ Формозанты. Шея ея представляла всѣ цвѣты Ирисины, но гораздо цвѣтнѣе и живѣе. Золото блистало различными тѣньми на ея перьяхъ. Ноги ея казались смѣшенiемъ серебра и пурпура, а хвостъ прекрасныхъ птицъ, коихъ запрягали по томъ въ колесницу Юноны, несравнителенъ былъ съ ея хвостомъ.

Примѣчанiе, любопытство, удивленiе, возхищенiе всего двора раздѣлились между алмазами и птицею. Она сѣла на рѣшетку между Белусомъ и дочерiю его Формозантою, которая ее приговаривала, гладила и цѣловала. Оная принимала ласки ея съ удовольствiемъ, смѣшеннымъ съ почтенiемъ. Когда Принцесса ее цѣловала, то она ей тѣмъ соотвѣтствовала и смотрѣла на нее по томъ съ жалостнымъ видомъ. Она принимала отъ нее сухари и фисташцiи когтями своими пурпуровыми и посеребреными, и приносила ко рту, дѣлая видъ весьма удивленiя достойной.

Белусъ, разсматривая съ примѣчаніемъ алмазы, признавался, что онъ цѣлою своею провинціею едва можетъ заплатить толь богатой подарокъ. Онъ приказалъ приготовить для сего чужестранца подарки драгоцѣннѣйшіе, назначенные для трехъ Монарховъ. Сей молодой человѣкъ, говорилъ онъ, конечно сынъ Короля Китайскаго, или изъ той части свѣта, которую называютъ Европою, и о коей я слыхалъ, или изъ Африки, о которой сказываютъ, что она въ сосѣдствѣ съ королевствомъ Египетскимъ.

Онъ послалъ тотчасъ своего Оберъ-Шталмейстера съ привѣтствіемъ съ сему чужестранцу и велѣлъ его спросить: Государь ли онъ, или сынъ какого изъ сихъ Имперій Государя, и для чего, имѣя толь удивительныя сокровища, пріѣхалъ только съ однимъ слугою и небольшимъ мѣшкомъ?

Между тѣмъ, какъ Оберъ-Шталмейстеръ подъѣзжалъ къ амфитеатру, чтобъ исполнить порученное ему дѣло, пріѣхалъ другой слуга

на единорогѣ. Оной подъѣхавъ къ молодому человѣку, сказалъ: Ормаръ! вашъ родитель находится теперь при концѣ своей жизни и я прiѣхалъ васъ о томъ увѣдомить. Чужестранецъ, воззрѣвъ на небо, проливалъ слезы и отвѣчалъ только сими словами: *поѣдемъ*.

Оберъ-Шталмейстеръ, сдѣлавъ привѣтствiе отъ Белуса побѣдителю льва, подарившему сорокъ алмазовъ, обладателю прекрасной птицы, спросилъ у слуги: котораго государства владѣтель отецъ сего молодаго воина? Слуга отвѣчалъ: отецъ его престарѣлой пастухъ, весьма любимой въ своей странѣ.

Между симъ коротким разговоромъ чужестранецъ сѣлъ уже на единорога. Онъ сказалъ Оберъ-Шталмейстеру: Государь мой! удостойте меня повергнуть себя стопамъ Белусовымъ и его дщери. Я осмѣливаюсь ее просить, чтобъ имѣла большее попеченiе объ оставленной мною у нее птицѣ; оная также несравненна, какъ и она. Выговоря сiи слова, пустился онъ подобно молнiи; двое

слугъ

слугъ отъ него не отставали и всѣ тотчасъ изъ виду вонъ вышли.

Формозанта не могла удержаться, чтобъ не произвесть великаго крика. Птица, оборотясь къ амфитеатру, гдѣ господинъ ея сидѣлъ, весьма казалась быть печальна, что его больше не видитъ. По томъ, посмотря прилѣжно на Принцессу, и касаясь тихо носомъ прекрасной ея руки, оказывала видъ тотъ, что предается ея услугамъ.

Белусъ, пришедшій въ наибольшее удивленіе, услышавъ, что сей молодой человѣкъ толь рѣдкаго достоинства былъ сынъ пастушій, не могъ сему повѣрить. Онъ послалъ за нимъ въ слѣдъ; но вскорѣ принесли ему извѣстіе, что единороговъ, на коихъ сіи три человѣка скачутъ, никоимъ образомъ догнать не можно, и что по такой скорости имъ въ день сто миль перескакать должно.

§. 2.

Всѣ разсуждали о семъ чудномъ приключеніи, и всякъ имѣлъ тщетныя о томъ мысли. Какъ могъ пасту-

стушій сынъ подарить сорокъ большихъ алмазовъ? для чего ѣхалъ онъ верьхомъ на единорогѣ? не могли сего понять; и Формозанта, лаская свою птицу, погружена была въ глубокихъ размышленіяхъ.

Принцесса Алдея, сестра ея двоюродная, весьма пригожая и красотою почти подобная Формозантѣ, сказала ей: я не понимаю, чтобъ сей молодой полубогъ былъ пастушій сынъ; но мнѣ кажется, что онъ исполнилъ всѣ договоры, сопряженные съ вашимъ замужствомъ. Онъ выстрѣлилъ изъ лука Нимвродова, онъ побѣдилъ льва, онъ весьма разуменъ, потому что въ самой скорости изъяснилъ вамъ стихами свое мнѣніе. По драгоцѣннымъ вамъ подареннымъ алмазамъ не можете вы иначе заключить, чтобъ онъ не былъ наищедрѣйшій человѣкъ. Птица его наибольшая рѣдкость на свѣтѣ. Добродѣтель его безпримѣрна, потому что не смотря на то, что, имѣя случай быть съ вами, оставилъ оной и уѣхалъ, какъ скоро только услышалъ о болѣзни сво-

его

его отца. Оракулъ во всемъ сбылся, исключая только побѣды его соперниковъ; но онъ еще больше сдѣлалъ. Онъ спасъ жизнь изъ нихъ одного, коего ему опасаться было можно; а естьли надобность потребуетъ биться съ двумя другими, то думаю, что онъ съ ними легко управится.

Вы справедливо говорите, отвѣчала Формозанта; но возможноль, чтобъ наибольшій человѣкъ съ свѣтѣ и можетъ быть наилюбимѣйшій былъ пастушій сынъ?

Знатнѣйшая Принцессина Дама, вмѣшавшись въ разговоръ, сказала: что весьма часто подъ словомъ пастуха разумѣлись Короли, что ихъ называли пастухами для того, что они довольно голо стригутъ своихъ овецъ, что конечно слуга его сшутилъ дурную шутку, что сей молодой воинъ по тому только съ такою малою свитою пріѣхалъ, чтобъ показать, сколь превышаетъ одно его достоинство великолѣпіе Королей, и чтобъ Формозанта имъ только однимъ одолжен-

женною была. Принцесса ничего на то не отвѣчала, а безпрестанно съ нѣжностїю цѣловала свою птицу.

Между тѣмъ прїуготовляемо было великое пиршество для трехъ Королей и для всѣхъ Князей, прїѣхавшихъ на празднество. Дочь и племянница Королевскїя должны были составлять главную онаго красоту. Поднесли Королямъ подарки, достойные великолѣпїя Вавилонскаго. Белусъ во время сихъ прїуготовленїй собралъ свой совѣтъ для разсужденїя о супружествѣ прекрасной Формозанты, и говорилъ оному такъ, какъ надобно великому политику, слѣдующимъ образомъ:

Я старъ, я не знаю, что мнѣ больше дѣлать, и за кого выдать свою дочь. Тотъ, которой ее достоинъ, простой только пастухъ. Короли Индѣйскїе и Египетскїе трусы; Король Скиѳской мнѣ былъ бы и кстати; но онъ не исполнилъ ни одного положеннаго договора. Я иду еще совѣтовать съ Оракуломъ; между тѣмъ разсуждайте, и мы потому и рѣшимъ, что Оракулъ

ска-

скажетъ; для того что Государь долженъ поступать по точному повелѣнію боговъ безсмертныхъ.

И такъ пошелъ онъ въ свою капеллю. Оракулъ по своему обыкновенію отвѣчалъ ему короткими словами: *дочь твоя не выдетъ прежде замужъ, пока не будетъ путешествовать по свѣту.* Белусъ въ превеликомъ удивленіи возвращается къ совѣту и сказываетъ сей отвѣтъ.

Всѣ Министры имѣли глубокое почтеніе къ Оракуламъ; они единодушно почитали ихъ основаніемъ закона, и полагали, что разсудокъ долженъ молчать предъ ними, что ихъ Государи царствуютъ надъ народами, а мудрецы надъ Государями; что безъ Оракуловъ не было бы ни добродѣтели, ни покоя на земли. Наконецъ, оказавъ имъ наиглубочайшее почтеніе, почти всѣ заключили, что сіе повелѣніе несносно, что не должно ему повиноваться, что ничто толь не непристойно для дѣвицы, а особливо для дочери великаго Короля Вавилон-

лонскаго, чтобъ бѣжать, не зная куда, что сіе можетъ быть дѣйствительнымъ препятствіемъ ея замужству, или способомъ къ супружеству тайному, позорному и смѣшному; однимъ словомъ заключили они, что сей Оракулъ не имѣетъ общаго смысла.

Младшій изъ Министровъ, называемой Онодазъ, имѣющій больше ихъ разума, сказалъ: что Оракулъ конечно разумѣетъ нѣкоторое путешествіе изъ благоговѣнія, и для того обязывается онъ быть Принцессѣ предводителемъ. Совѣтъ согласился на его мнѣніе; но всякой хотѣлъ быть проводникомъ. Король рѣшилъ, что Принцесса можетъ ѣхать на триста миль Персидскихъ по дорогѣ къ Аравіи въ храмъ, о коего святости носилась слава, что онъ къ щастливымъ замужствамъ дѣвицамъ помогаетъ, и что старшему изъ совѣта должно быть ея проводникомъ. Послѣ сего рѣшенія пошли ужинать.

§ 3.

§. 3.

Посреди садовъ между двумя каскадами возвышался великой залъ оваломъ на триста шаговъ въ діаметрѣ, котораго сводъ небесной, испещренной звѣздами золотыми, представлялъ все созвѣздіе съ планетами, каждая въ своемъ настоящемъ мѣстѣ, и сей сводъ вертѣлся такъ какъ небо машинами также невидимыми, какъ и тѣ, кои движеніями небесными управляютъ. Сто тысячь восковыхъ свѣчь въ хрустальныхъ и минеральныхъ цилиндрическихъ фигурахъ освѣщали наружность и внутренность залы. На буфетѣ съ уступами поставлено было дватцать тысячь сосудовъ, или блюдъ золотыхъ, а напротивъ буфета на другихъ уступахъ сидѣло премножество музыкантовъ. Еще два амфитеатра уставлены были одинъ плодами всякаго рода, другой великими бутылями хрустальными съ винами всѣхъ сортовъ, какія только есть на свѣтѣ.

Гости сѣли около стола фигурнаго, украшеннаго цвѣтами и плодами,

дами, сдѣланными изъ дорогихъ каменьевъ. Прекрасная Формозанта сидѣла между Королями Индѣйскимъ и Египетскимъ, Принцесса Алдея подлѣ Короля Скиѳскаго. Было тритцать Князей, и каждой изъ нихъ сидѣлъ подлѣ одной изъ прекраснѣйшихъ придворныхъ Дамъ. Король Вавилонской сидѣлъ въ самой срединѣ противъ дочери и казался быть раздѣленъ между печалію, что не могъ ее выдать замужъ, и веселіемъ, что еще ее при себѣ имѣетъ. Формозанта просила у него позволенія, чтобъ посадить свою птицу на столѣ подлѣ себя. Король оное съ удовольствіемъ позволилъ.

Музыка заигравшая дала совершенную свободу каждому Государю разговаривать съ своею Дамою. Пиршество было столь же пріятно, какъ и великолѣпно. Поставили предъ Формозанту раго, которую Король, ея родитель, весьма любилъ. Принцесса сказала, что должно ее отнесть предъ Его Величество; птица схватила тотчасъ

блюдо

блюдо съ удивительнымъ искусствомъ и поднесла оное Королю. Никогда ужинъ толь удивителенъ не былъ. Белусъ столько же ее ласкалъ, какъ и дочь его. Птица полетѣла къ ней назадъ. Она на полетѣ разпустила свой прекрасной хвостъ, крылья ея разпушенныя представляли наилучшіе цвѣты, золотыя ея перья дѣлали такой блескъ, что всѣхъ глаза обратились только на нее. Музыканты, переставъ играть, смотрѣли на нее съ изумленіемъ. Никто не ѣлъ и не говорилъ ни слова, а только удивлялся. Принцесса Вавилонская цѣловала ее во время всего ужина, не помышляя совсѣмъ, есть ли Государи на свѣтѣ. Короли Индѣйскіе и Египетскіе почувствовали умноженіе своей досады и огорченія, и чтобъ тѣмъ скорѣе исполнить свое мщеніе, обѣщали другъ другу поспѣшить маршемъ своихъ трехъ сотъ тысячь человѣкъ.

Король же Скиѳской напротивъ того упражненъ былъ въ разговорахъ съ прекрасною Алдееѭ. Буду-

чи надмѣнъ, пренебрегалъ онъ безъ досады холодность Формозанты и оказывалъ къ ней больше безпристрастія, нежели огорченія. Она прекрасна, говорилъ онъ; я признаюсь; но она, мнѣ кажется, изъ числа тѣхъ женщинъ, которыя только помышляютъ о своей красотѣ, и думаютъ, что родъ человѣческой имъ долженъ великою благодарностію, когда онѣ удостоятъ себя публично показать. Въ моей землѣ идоловъ не почитаютъ. Я бы лучше любилъ дурную женщину снисходительную и ласковую, нежели какъ сію прекрасную статую. Вы имѣете, государыня моя! столько же пріятностей, какъ и она, а удостоиваете иностранныхъ вашего обхожденія. Я вамъ признаюсь откровенно, такъ какъ Скиѳецъ, что я васъ сестрицѣ вашей предпочитаю. Однако онъ ошибался въ нравѣ Формозанты; она не такъ была горда, какъ казалась; но привѣтствіе его весьма изрядно было принято Принцессою Алдееою. Разговоръ ихъ сталъ весьма важенъ: они

они были чрезвычайно довольны и уже уверены другЪ о другЪ, пока еще изЪ за стола не вышли.

ПослЪ ужина пошли прогуливаться вЪ рощи. Король Скиѳской и Алдея не оставили, чтобЪ не сыскать себЪ уединеннаго мЪста. Алдея, будучи весьма откровенна, говорила сему Государю слЪдующимЪ образомЪ:

Я сестру мою не ненавижу, хотя она прекраснЪе меня и назначена для престола Вавилонскаго: честь ту, что я вамЪ понравилась, вмЪняю я себЪ вмЪсто прелестей. Я предпочитаю Скиѳское государство сЪ вами коронЪ Вавилонской безЪ васЪ. Но сія корона принадлежитЪ мнЪ по правамЪ, естьли оная есть на свЪтЪ; потому что я происхожу изЪ старшей линіи Нимвродовой, а Формозанта изЪ младшей. ДЪдЪ ея ссадилЪ моего дЪда сЪ престола и велЪлЪ его умертвить.

Такая-то сила родства вЪ Королевской фамиліи Вавилонской, сказалЪ Скиѳецъ. КакЪ назывался вашЪ дЪдЪ? ОнЪ назывался Алдей, так-

же какъ и я; отецъ мой имѣлъ такое же имя. Онъ сосланъ былъ въ ссылку съ матерію моею въ наиотдаленнѣйшій край государства, и Белусъ послѣ ихъ смерти, не имѣя никакой опасности отъ меня, велѣлъ меня воспитать при своей дочери; однако положилъ намѣреніе, чтобъ меня никогда не выдавать замужъ.

Я хочу отмстить за вашего родителя, дѣда и за васъ, сказалъ Король Скиѳской. Я вамъ за то отвѣчаю, что вы будете замужемъ. Я васъ послѣ завтра на разсвѣтѣ увезу, потому что завтра съ Королемъ Вавилонскимъ должно обѣдать, и потомъ возвращусь для защищенія вашего права съ тремя стами тысячами человѣкъ арміи. Я сего охотно желаю, сказала прекрасная Алдея, и давъ другъ другу честное слово, разстались.

Прекрасная Формозанта давно уже ушла спать. Она велѣла поставить подлѣ своей постели не большое померанцовое дерево въ серебреномъ горшкѣ для покоя своей птицѣ,

цѣ, и хотя завѣсъ у постели былъ и закрытъ, однако заснуть не могла. Сердце ея и воображеніе довольно были возбуждены. Прекрасной чужестранецъ представлялся ея глазамъ; она воображала себѣ его, пускающаго стрѣлу изъ лука Нимвродова, смотрѣла на него, какъ льву голову отсѣкъ, повторяла его мадригалъ; наконецъ взирала на него, какъ онъ изъ кучи верьхомъ на своемъ единорогѣ ускакалъ, и тутъ-та начала изпускать тяжкіе вздохи, и вскричала въ слезахъ: и такъ я его никогда не увижу, онъ не возвратится.

Онъ, милостивая государыня! возвратится, отвѣчала ей птица, сидѣвшая на померанцовомъ деревѣ, можноль, чтобъ васъ увидѣвъ, не желать опять увидѣть?

О небо! О вѣчныя могущества! Птица моя говоритъ самымъ чистымъ Халдейскимъ языкомъ! Выговоря сіи слова, открыла она завѣсъ, подняла къ верьху руки и стала на постелѣ на колѣна: Богъ ли ты, снизшедшій на землю? Великой ли

ты Оровмадъ, скрытой подъ сими прекрасными перьями? Естьли ты Богъ, то возврати мнѣ сего молодаго красавца.

Я только летучее созданіе, отвѣчала она; но я родилась въ то время, когда еще всѣ звѣри говорили, и когда птицы, змѣи, ослицы, лошади и грифы съ людьми дружелюбно разговаривали. Я не хотѣла говорить при всѣхъ, опасаясь, чтобъ придворныя ваши Дамы не почли меня за колдуна: я хочу вамъ только открыться.

Формозанта, пришедшая въ великое смятеніе и смущеніе отъ такихъ чудесъ, побуждена была чрезвычайнымъ желаніемъ, чтобъ вдругъ сдѣлать ей премножество вопросовъ; и такъ тотчасъ спросила ее, сколько ей лѣтъ? Дватцать семь тысячь девять сотъ лѣтъ и шесть мѣсяцовъ, милостивая Государыня! я начинаю мое произхожденіе вмѣстѣ съ малымъ теченіемъ неба, что ваши мудрецы называютъ равноденствіемъ и равнонощіемъ, и кое почти въ дватцать восемь тысячь

ва-

вашихъ лѣтъ совершается. Есть еще несравненно должайшія теченія, и потому у насъ бываютъ твари гораздо старѣе меня. Двадцать двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, какъ я выучилась по Халдейски во время одного изъ моихъ путешествій; я всегда имѣла большую склонность къ Халдейскому языку; но другіе звѣри мои сотоварищи отреклись, чтобъ въ вашихъ странахъ не говорить. — А для чего это божественная моя птица? — Ахъ! для того, что люди приняли обыкновеніе, чтобъ насъ ѣсть, вмѣсто того, чтобъ съ нами обходиться и разпространять свои знанія въ нашемъ обхожденіи. Варвары! не должны ли они быть увѣрены, что мы имѣемъ тѣ же возможности, какъ и они, тѣ же чувства, тѣ же нужды, тѣ же желанія; мы бы имѣли то же самое, что называется душа, такъ какъ и они; мы были бы ихъ братія, а должно было бы варить и ѣсть только злыхъ? Мы ваши братья по тому, что великое Существо, Существо

вѣчное и основатель въ положенной съ людьми завѣтъ (*) насъ точно включилъ. Онъ запретилъ намъ питаться вашею кровiю, а намъ сосать вашу.

Басни древняго вашего Локмана, переведенныя на многiе языки, будутъ вѣчнымъ свидѣтельствомъ благополучнаго обхожденiя, которое вы напредь сего съ нами имѣли. Они всѣ начинаются сими словами: *по время то, какъ звѣри говорили.* Правда, что есть между вами много женщинъ, которыя всегда разговариваютъ съ своими собаками; но онѣ вознамѣрились, чтобъ ничего не отвѣтствовать съ того времени, какъ ихъ стали арапниками принуждать, чтобъ бѣгать на охоту и быть участниками смертоубивства древнихъ нашихъ общихъ прiятелей, оленей, дикихъ козъ, зайцовъ и рябчиковъ.

У васъ есть еще древнiе стихи, въ которыхъ лошади говорятъ и кучера ваши съ ними разговарива-

(*) Смотри гл. 9. первой книги Моисеевой и главы 3. 18. и 19. Экклезiаста.

ваютЪ всякой день, но сЪ такою грубостію, и такими ругательными словами, что лошади, которыя васЪ прежде любили, кЪ вамЪ нынѢ отвращеніе имѢютЪ.

Земля, вЪ которой живетЪ прекрасной вашЪ чужестранецЪ, наисовершеннѢйшій изЪ смертныхЪ, осталась только одна, вЪ которой полЪ вашЪ разумѢетЪ еще нашЪ полЪ любить и сЪ нимЪ разговаривать, и вЪ одной только сей странѢ изо всего свѢта люди справедливы.

А гдѢ сія земля любезнаго моего чужестранца? КакЪ зовутЪ сего воина? КакЪ называется его государство? Я уже больше не повѢрю, чтобЪ онЪ былЪ пастухЪ, такЪ какЪ я не вѢрю, чтобЪ ты была летучая мышь.

Земля его, милостивая государыня! называется земля Гангаридовъ. НародЪ добродѢтельной и непобѢдимой, обитающій на восточныхЪ берегахЪ Ганги. Имя моего друга АмаценЪ, онЪ не Король; и я не знаю, захотѢлЪ ли бы онЪ такЪ себя унизить, чтобЪ и быть

Королемъ; онъ весьма любитъ своихъ одноземцовъ; онъ пастухъ такой же, какъ и они. Но не подумайте, чтобъ сіи пастухи похожи были на вашихъ, которые едва прикрыты раздранными рубищами, пасутъ овецъ несравненно лучше ихъ одѣтыхъ, воздыхаютъ подъ игомъ бѣдности и удѣляютъ еще собирателю податей половину малѣйшей платы, получаемой отъ своихъ господъ. Пастухи Гангаридскіе, рожденные въ совершенномъ равенствѣ, обладаютъ стадами безчисленными, покрывающими поля ихъ навсегда цвѣтущія. Ихъ никогда не бьютъ: сіе почитается за ужасной проступокъ въ Гангаридскихъ странахъ, чтобъ бить и ѣсть равнаго себѣ. Шерсть ихъ, которая гораздо тонѣе и лучше самаго хорошаго шелку, составляетъ наибольшій торгъ въ востокѣ. Впрочемъ земля Гангаридская произноситъ все то, что можетъ льстить желаніямъ человѣческимъ. Большіе алмазы, которые Амацанъ имѣлъ честь вамъ поднести, изъ

одной

одной горы ему принадлежащей. Такихъ единороговъ, на какомъ вы его видѣли ѣхавшаго верьхомъ, Гангариды обыкновенно для ѣзды употребляютъ. Сей звѣрь наилучшій, наигордѣйшій, наижесточайшій и наисмиреннѣйшій украшающій землю. Довольно было бы ста Гангаридовъ и ста единороговъ для разбитія безчисленныхъ армій. Двѣсти лѣтъ тому назадъ, какъ одинъ Индѣйской Король столько былъ глупъ, что захотѣлъ покорить себѣ сей народъ: онъ пришелъ съ десятью тысячами слоновъ и съ миліономъ воиновъ. Единороги пронзили слоновъ такъ, какъ я видѣла на столѣ вашемъ жаворонковъ, нацѣпленныхъ на золотыхъ вертеляхъ; а воиновъ посѣкли Гангариды саблями своими, подобно какъ восточные народы посѣкаютъ на поляхъ своихъ растущее пшено сорочинское. Короля взяли въ полонъ болѣе нежели какъ съ шестью стами тысячами человѣкъ. Омыли его въ цѣлительныхъ водахъ Гангаридскихъ, и предписали ему діэту обыкновенную

ную въ сей землѣ, которая состоитъ въ томъ, чтобъ питаться только произращеніями, кои естество въ изобиліи произвело для насыщенія всего того, что дыханіе имѣетъ. Люди, питающіеся мясомъ и употребляющіе крѣпкіе напитки, всѣ имѣютъ кровь острую и сожженную, которая ихъ дѣлаетъ во многихъ случаяхъ дураками. Главное ихъ дурачество состоитъ въ жестокости, чтобъ проливать кровь своихъ ближнихъ и разорять плодоносныя степи, чтобъ обладать погостами. Шесть мѣсяцовъ лечили Индѣйскаго Короля отъ его болѣзни. Какъ Лѣкари наконецъ усмотрѣли, что пульсъ и разсудокъ его стали приходить опять въ порядокъ, то подали они объ ономъ свидѣтельство совѣту Гангаридскому. Оной, призвавъ въ согласіе единороговъ, человѣколюбно отослалъ назадъ въ свою землю Короля Индѣйскаго, глупой его придворной штатъ и безсильныхъ воиновъ. Сіе поученіе сдѣлало ихъ разумными, и съ того времени Индѣйцы почитали

ли Гангаридовъ такъ, какъ у васъ ничего еще не умѣющіе и желающіе обучаться, почитаютъ Философовъ Халдейскихъ, съ коими они не могутъ сравниться. Скажи мнѣ, любезная моя птица! спросила Принцесса, есть ли какой законъ у Гангаридовъ? — Есть ли законъ? милостивая государыня! мы собираемся воздавать благодарность Богу въ дни полной луны; мущины въ большой храмъ кедровой, а женщины въ другой, чтобъ не имѣть разсѣянныхъ мыслей; всѣ птицы въ рощу, а четвероногія на прекрасной зеленой лугъ. Мы благодаримъ Бога за всѣ благодѣянія, намъ оказываемыя. Сверьхъ того имѣемъ мы попугаевъ, которые чрезвычайно хорошо сказываютъ предики.

Такое-то отечество любезнаго моего Амацана, тамъ-то я живу; я столько же имѣю къ нему пріязни, сколько онъ вамъ вперилъ любви. Естьли вы мнѣ въ томъ повѣрите, то мы поѣдемъ вмѣстѣ, и вы ему возвратите посѣщеніе, сдѣланное отъ него вамъ.

Ты

Ты по справедливости, любезная моя птица! изрядную должность отправляешь, отвѣтствовала Принцесса улыбнувшись, которая горѣла желаніемъ, чтобъ отправиться въ сей путь, но не хотѣла о томъ вызваться. Я служу моему пріятелю, сказала птица, и по щастіи томъ, чтобъ васъ любить, почитаю я за наибольшее, чтобъ способствовать взаимной вашей любви.

Формозанта не знала отъ радости что дѣлать, и почитала себя вознесенною до небесъ. Все, что она въ сей день видѣла, все то, на что еще глядѣла, все то, что слышала, а особливо, что въ сердцѣ своемъ чувствовала, привело ее въ восхищеніе гораздо превосходящее того, которое нынѣ чувствуютъ благополучные Музулманы, когда, свободясь отъ земныхъ узъ, видятъ себя въ девятомъ небѣ въ объятіяхъ своихъ Урисовъ, окруженныхъ и преисполненныхъ славою и благополучіемъ небеснымъ.

§. 4.

Она всю ночь препроводила въ разговорахъ о Амацанѣ. Называла его не иначе, какъ своимъ пастухомъ; и съ сего-то времени пастухъ и любовникъ начали имѣть у нѣкоторыхъ народовъ всегда равное названіе.

То спрашивала она у птицы, имѣлъ ли Амацанъ другихъ любовницъ; и какъ оная ей отвѣтствовала, что не имѣлъ, то она тому несказанно радовалась. То любопытствовала она, чѣмъ онъ время провождаетъ, и слышала съ великою радостію, что онъ употребляетъ оное, чтобъ дѣлать добро, поправлять искусства, испытывать тайности естества и приводить въ совершенство свое бытіе. То хотѣла она знать, душа ея птицы такоголь же свойства, какъ и ея любовника, для чего жила она близъ двадцати осьми тысячь лѣтъ, вмѣсто того, что ея любовнику не болѣе осьмнатцати, или девятнатцати лѣтъ? Она дѣлала множество сему подобныхъ вопросовъ, на которо-

торые птица отвѣтствовала съ такою скромностію, которая оскорбляла ея любопытство. Наконецъ сонъ затворилъ глаза и повергъ Формозанту сладкому воображенію чрезъ посланныхъ богами, которые иногда и самое дѣйство превозходятъ, и кое вся Философія Халдеевъ едва можетъ изтолковать.

Формозанта пробудилась весьма поздно. Лишь только она проснулась, какъ Король, ея отецъ, вошелъ къ ней въ покои. Птица приняла Его Величество съ учтивостію, соединенною съ почтеніемъ, встрѣтила его, била крыльями, протягивала шею и сѣла на свое померанцовое дерево. Король сѣлъ на постелю своея дочери, которая послѣ сна еще прекраснѣе казалась. Великая его борода коснулась сему прекрасному лицу, и поцѣловавъ его два раза, говорила слѣдующія слова:

Любезная моя дочь! ты не могла противъ чаянія моего найти вчера мужа, однако тебѣ оной надобенъ; благополучіе моего государства того требуетъ. Я совѣтовалъ

съ

съ Оракуломъ, которой, какъ ты знаешь, никогда не лжетъ, и которой управляетъ всѣ мои поступки. Онъ мнѣ приказалъ, чтобъ пустить тебя ѣздить по свѣту. Надобно тебѣ путешествовать. — Ахъ! конечно къ Гангаридамъ, сказала Принцесса, и выговоря нечаянно сіи слова, спохватилась, что дурно сказала. Король, не зная совсѣмъ Географіи, спросилъ ее: что она чрезъ Гангаридовъ разумѣетъ? Однако она нашла способъ себя поправить. Король увѣдомилъ ее, что должно ей отправиться въ путь для моленія, что онъ уже назначилъ особъ къ ея препровожденію: старшаго изъ государственныхъ членовъ, главнаго жреца, придворную Даму, Лѣкаря, аптекаря и птицу ея съ пристойнымъ числомъ служителей.

Формозанта, которая никогда изъ покоевъ Короля, своего родителя, не выходила, и которая до пріѣзда трехъ Королей и Амацана вела жизнь весьма принужденную въ предѣлахъ великолѣпія и во

внѣшнемъ видѣ веселостей, обрадовалась, услыша о своемъ путешествіи. Можетъ быть, помышляла она, боги вліяютъ и любезному моему Гангариду тоже желаніе, чтобъ ѣхать въ тотъ же храмъ, и можетъ быть я буду имѣть щастіе видѣть сего странствующаго. Она весьма ласковымъ образомъ благодарила родителя своего, сказавъ ему, что она всегда имѣла тайное почтеніе къ сему святому, къ которому ее посылаютъ.

Белусъ сдѣлалъ великолѣпной обѣдъ для своихъ гостей, на которомъ были только мущины, и всѣ люди между собою весьма несогласные: Короли, Князья, Министры, знатнѣйшее духовенство, всѣ были наполнены ревностію одинъ противъ другаго: всѣ говорили съ разборомъ; всѣ заботились о своихъ сосѣдяхъ и о самихъ себѣ. Обѣдъ былъ скученъ, хотя и много пили. Принцессы остались въ своихъ покояхъ, будучи каждая изъ нихъ въ мысляхъ о своемъ отъѣздѣ, и кушали особливо. По томъ пошла Формозан-

занта гулять въ сады съ любезною своею птицею, которая для увеселенія ея съ дерева на дерево перелетывала, разпущая свой прекрасной хвостъ и прелестныя свои перья.

Король Египетскій, разгорячась виномъ, я не хочу сказать, напившись, спросилъ лука и стрѣлъ у своего пажа. Сей Государь въ самомъ дѣлѣ былъ наинеискуснѣйшій стрѣлокъ въ своемъ государствѣ. Естьли онъ въ цѣль стрѣлялъ, то мѣсто, въ которомъ чаешь быть наибольше въ безопасности, было точно то, на которое онъ цѣлилъ. Прекрасная же птица, летая толь же быстро, какъ и стрѣла, сама на нее налетѣла, и совсѣмъ окровавленна упала въ руки Формозанты. Египтянинъ, глупымъ смѣхомъ засмѣявшись, возвратился въ свои покои. Принцесса начала преужасной крикъ и вопль, и била себя въ грудь. Птица умирая, тихо ей сказала: сожги меня и пепелъ мой непремѣнно отвези къ Щастливой Аравіи къ востоку древняго города Едема, и

поставь его на солнце на небольшой костерѣ изѣ гвоздики и корицы. Выговоря сіи слова, она умерла. Формозанта лежала долгое время вѣ обморокѣ, и хотя наконецѣ и пришла опять вѣ чувство, но изпускала безпрестанно вздохи и проливала слезы. Родитель, дѣля ея печаль, и кляня Короля Египетскаго, не сомнѣвался, чтобѣ сей случай не предвѣщалѣ впредь какого нещастливаго слѣдствія. Онѣ тотчасѣ пошелѣ вѣ свою капелью совѣтовать сѣ Оракуломѣ. Оракулѣ отвѣчалѣ: *смѣшеніе всего, смерть живая, невѣрность и постоянство, уронѣ и прибыль, нещастія и благополучіе.* Ни онѣ, ни совѣтѣ его не могли изѣ сего ничего понять; но наконецѣ былѣ онѣ доволенѣ тѣмѣ, что исполнилѣ должности своего благоговѣнія.

Рыдающая его дочь во время то, какѣ онѣ совѣтовалѣ сѣ Оракуломѣ, велѣла птицѣ оказать послѣднюю честь, такѣ какѣ она приказывала, и вознамѣрилась, чтобѣ свезти ее вѣ Аравію, хотя бы и

жизнь

жизнь свою опасности подвергла. Она сожжена была и съ померанцовымъ деревомъ, на которомъ сидѣла, въ невгараемомъ полотнѣ. Принцесса собрала пепелъ ея въ небольшой золотой сосудъ, осыпанной карбункулами и алмазами, вынятыми изъ челюстей львовыхъ. Для чего не могла она, вмѣсто того, чтобъ исполнить сiю жалостную должность, совсѣмъ живаго сжечь несноснѣйшаго Короля Египетскаго? Вотъ въ чемъ все ея желанiе состояло. Въ огорченiи своемъ велѣла она убить двухъ его крокодиловъ, морскихъ лошадей и крысъ, а двѣ его мумiи велѣла бросить въ Евфратъ. Естьли бы она вола его Аписа имѣла въ своей власти, то бы и онаго не пощадила.

Король Египетской, будучи тронутъ симъ поруганiемъ, тотчасъ поѣхалъ, чтобъ приказать поспѣшать своимъ тремъ стамъ тысячамъ человѣкамъ. Король Индѣйскiй, видя скорой отъѣздъ своего союзника, поѣхалъ и самъ того же дня въ непремѣнномъ намѣренiи,

 чтобъ

чтобѣ соединить свои три ста тысячь человѣкѣ Индѣйцовѣ сѣ армїею Египетскою. Король Скиѳской уѣхалѣ ночью сѣ Принцессою Алдеею, твердо вознамѣрясь, чтобѣ приступя сѣ тремя стами тысячами Скиѳовѣ, за нее биться и возвратить ей наслѣдство Вавилонское, принадлежащее по произхожденїю ея изѣ старшей линїи.

Формозанта сѣ своей стороны отправилась вѣ три часа поутру сѣ свитою своею вѣ путешествїе для моленїя, льстясь, что она можетѣ быть и вѣ Аравїи, чтобѣ исполнитѣ послѣднюю волю своей птицы, и что справедливость безсмертныхѣ боговѣ возвратитѣ ей любезнаго ея Амацана, безѣ котораго она болѣе жить не могла.

И такѣ Король Вавилонской проснувшись, никого уже не нашелѣ. Какѣ скоро оканчиваются великїя празднества! сказалѣ онѣ, и какѣ оставляютѣ они по себѣ пустое удивленїе вѣ мысляхѣ, когда шумѣ пройдетѣ! Но онѣ подвигнутѣ былѣ на гнѣвѣ дѣйствительно Королевскїй,

скій, увѣдомясь, что увезли Принцессу Алдею. Онъ приказалъ разбудить всѣхъ своихъ Министровъ и собрать совѣтъ. Во ожиданіи ихъ не оставилъ онъ, чтобъ не посовѣтовать съ своимъ Оракуломъ; но не могъ отъ него инаго отвѣта получить, кромѣ сихъ словъ, толь славныхъ напослѣдокъ во всемъ свѣтѣ: *когда дѣвицъ не выдашь замужъ, то онѣ сами замужъ выдутъ.*

Тотчасъ отданъ былъ приказъ, чтобъ выступить въ маршъ тремъ стамъ тысячамъ человѣкамъ противъ Короля Скиѳскаго. Вотъ война наижесточайшая, загорѣвшаяся со всѣхъ сторонъ, произшедшая отъ увеселенія наилучшаго празднества, каковы бывали на землѣ. Азія готовится быть опустошена четырьмя арміями, состоящими каждая изъ трехъ сотъ тысячъ человѣкъ. Можно легко понять, что война Троянская, удивлявшая свѣтъ нѣсколько вѣковъ послѣ того, въ сравненіи сей ничто иное была, какъ дѣтская игра; но должно также разсу-

судить, что война Троянская произошла только отъ престарѣлой женщины весьма своевольной, которая позволила себя увезть два раза, а сія напротивъ того отъ двухъ дѣвицъ и отъ одной птицы.

Король Индѣйской поѣхалъ дожидаться своей арміи на большой и преизрядной дорогѣ, пролегаемой тогда прямо отъ Вавилона въ Кашемиру. Король Скиѳской бѣжалъ съ Алдеею прекраснымъ путемъ, ведущимъ къ горѣ Иммаусъ. Всѣ сіи дороги по томъ пропали чрезъ дурное правленіе. Король Египетской обратился къ западу и продолжалъ путь свой по берегу малаго моря Средиземнаго, которое по томъ несмысленные Евреи великимъ моремъ назвали.

Прекрасная же Формозанта ѣхала по дорогѣ къ Бассорѣ, усаженной высокими пальмовыми деревьями, которыя дѣлали безпрестанную тѣнь, и произносили плоды во всѣ времена года. Храмъ, куда она для моленія ѣхала, былъ въ самой Бассорѣ; святой, которому сей

храмъ

храмъ посвятили, почти былъ равенъ боготворенному по томъ въ Лампзакѣ. Онъ не токмо доставлялъ мужей дѣвицамъ, но и самъ часто бывалъ вмѣсто мужа. Сего святаго во всей Азіи наибольше почитали.

Формозанта ни мало не пеклась о святомъ Бассорскомъ; она призывала только любезнаго своего пастуха Гангаридскаго, прекраснаго своего Амацана, вознамѣрилась сѣсть въ Бассорѣ на корабль и ѣхать въ Щастливую Аравію, чтобъ исполнить повелѣнное умершею птицею.

На третьемъ ночномъ ночлегѣ лишь только вошла она въ трактиръ, въ которомъ служителями ея все для нее было приготовлено, какъ она увѣдомилась, что и Король Египетской туда же пріѣхалъ. Будучи увѣдомленъ о путешествіи Принцессиномъ чрезъ своихъ шпіоновъ, тотчасъ перемѣнилъ свой путь въ провожаніи многочисленнаго прикрытія. Пріѣхавъ велѣлъ онъ поставить часовыхъ у всѣхъ воротъ, вошелъ въ покой прекрас-

ной Формозанты, и сказалъ ей: государыня моя! васъ-то я дѣйствительно и искалъ; вы въ бытность мою въ Вавилонѣ весьма мало о мнѣ думали. Справедливость требуетъ, чтобъ наказывать спѣсивыхъ и упрямыхъ: пожалуйте, естьли вамъ угодно, отужинайте сего вечера со мною. Вы не будете имѣть иной постели, кромѣ моей, и я буду поступать съ вами по моему удовольствiю.

Формозанта довольно могла видѣть, что она противъ его была безсильна: она знала, что здравой разсудокъ состоитъ въ томъ, чтобъ поступать по своему состоянiю. И такъ взяла мѣры, чтобъ свободиться отъ Короля Египетскаго невинною хитростiю. Она посмотря на него нѣсколько покосившись, что многiе вѣки по томъ называлось смотрѣть любовнымъ взоромъ (*), начала ему съ цѣломудрiемъ, прiятностiю, ласкою, смущенiемъ и съ такою прелестiю, которая наиразумнѣйшаго сдѣлала бы дуракомъ

(*) Lorgnez.

комѣ и наипрозорливѣйшаго бы ослѣпила, говоритъ слѣдующія слова:

Я вамъ, государь мой! признаюсь, что предъ вами всегда потупляла глаза, когда вы сдѣлали честь Королю, моему родителю, вашимъ къ нему пріѣздомъ. Я опасалась моего сердца и сущей моей простоты; я тряслась, чтобъ мой родитель и ваши соперники не примѣтили предпочтенія, которое вы столь много заслуживаете. Я теперь могу предаться моимъ чувствамъ. Божусь воломъ Annисомъ, котораго послѣ васъ больше всего на свѣтѣ почитаю, что ваши требованія меня чрезвычайно плѣнили. Я уже ужинала съ вами у Короля, моего родителя; буду также ужинать и здѣсь, хотя его и нѣтъ съ нами. Все то, о чемъ я васъ прошу, чтобъ вашъ главной жрецъ пилъ съ нами: онъ показался мнѣ въ Вавилонѣ весьма хорошимъ гостемъ; я имѣю презрядное Хиражское вино и хочу васъ обоихъ онымъ попотчивать. Что принадлежитъ до вашего втораго требованія, то оное весьма пре-

прелестно; но неприлично дѣвицѣ хорошаго воспитанія объ ономъ говорить: довольно, когда вы будете знать, что я васъ почитаю наибольшимъ изъ Государей и наилюбезнѣйшимъ изъ людей.

Сія рѣчь весьма тронула Короля Египетскаго. Онъ съ охотою желалъ, чтобъ главной жрецъ былъ также участникомъ. Я еще хочу просить у васъ милости, сказала ему Принцесса, чтобъ позволить моему аптекарю со мною поговорить. Дѣвицы имѣютъ всегда нѣкоторые небольшіе припадки, требующіе помощи, какъ дурноты въ головѣ, біеніе сердца, колики, удушья, отъ которыхъ должно въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ извѣстныя лѣкарства употреблять; словомъ, я имѣю необходимую нужду въ моемъ аптекарѣ, и надѣюсь, что вы инѣ не откажете сего малаго знака вашей любви.

Государыня моя! отвѣчалъ ей Король Египетской: хотя намѣренія аптекарскаго искусства и совсѣмъ противны моему, однако я доволь-

но свѣтѣ знаю, чтобѣ вамѣ вѣ толь справедливой прозьбѣ отказать. Я тотчасѣ прикажу ему кѣ вамѣ быть между тѣмѣ, пока ужинѣ готовятѣ. Я разумѣю, что вы отѣ дороги нѣсколько обезпокоились; думаю также, что вамѣ есть надобность и вѣ придворныхѣ вашихѣ Дамахѣ. Вы можете приказать быть той, отѣ которой больше себѣ услуги надѣетесь; а я между тѣмѣ буду ожидать вашихѣ повелѣній и вашего покоя. Онѣ вышелѣ, аптекарь и придворная Дама, именемѣ Ирла, пришли. Принцесса имѣла кѣ ней совершенную довѣренность. Она ей приказала принесть шесть бутылокѣ Хиражскаго вина кѣ ужину и поднесть онаго всѣмѣ часовымѣ, у которыхѣ ея служители были подѣ карауломѣ; по томѣ велѣла она аптекарю положить во всѣ бутылки такихѣ лѣкарствѣ изѣ его аптеки, отѣ которыхѣ сутки спать должно, и коими всегда онѣ былѣ снабдѣнѣ. Сіе повелѣніе совершенно было изполнено. Чрезѣ полчаса, пришелѣ

опять

опять Король съ главнымъ жрецомъ. Ужинъ былъ весьма веселъ; они оба выпили всѣ шесть бутылокъ и признавались, что не было толь хорошаго вина въ Египтѣ. Придворная Дама употребила стараніе, чтобъ поднесть онаго и лакеямъ, бывшимъ при столѣ для услуженія; Принцессажъ крайнѣ опасалась, чтобъ онаго не пить, сказывая, что лѣкарь ей велѣлъ наблюдать діэту. Всѣ скоро заснули.

Главной жрецъ Короля Египетскаго имѣлъ наилучшую бороду, которую только человѣкъ такого рода носить могъ. Формозанта ее весьма искуснымъ образомъ отрѣзала, и пришивъ на ленточку, привязала къ своему подбородку. Она надѣла на себя платье сей духовной особы, взяла всѣ знаки его достоинства, одѣла свою придворную Даму въ платье дьячка богини Изисъ. По томъ, взявъ свой сосудъ и алмазныя вещи, пошла изъ трактира мимо часовыхъ, которые спали также, какъ и Государь ихъ. Придворная Дама постаралась изъ-

товить у воротъ двѣ лошади. Принцесса не могла никого больше взять изъ своей свиты, опасаясь, чтобъ главной караулъ ее не остановилъ.

Формозанта и Ирла ѣхали прямо мимо солдатъ, которые, почитая Принцессу за главнаго ихъ жреца, называли ее чистнѣйшимъ служителемъ Божіимъ и просили у нее благословенія. Онѣ въ сутки пріѣхали въ Бассору, прежде нежели какъ Король проснулся. Тутъ скинули они съ себя свое одѣяніе, которое бы могло ихъ привесть въ подозрѣніе; наняли тотчасъ корабль, на коемъ чрезъ устье Ормусъ приплыли на прекрасной берегъ Едема къ Щастливой Аравіи. Сей былъ тотъ самой Едемъ, коего сады толь были славны, что изъ оныхъ сдѣлано по томъ жилище праведныхъ. Они были образцомъ Елисейскихъ полей, садовъ Гесперидскихъ и Щастливыхъ острововъ, потому что въ сихъ теплыхъ странахъ люди не воображали себѣ большаго блаженства,

какъ

какъ тѣней и журчаній водъ, жить безпрестанно на небесахъ съ высочайшимъ Существомъ, или итти прогуливаться въ садъ. Въ Раю было тоже самое для людей, которые всегда говорятъ, не разумѣя другъ друга, и кои еще не могутъ имѣть чистыхъ понятій и дѣйствительныхъ выраженій.

Какъ скоро Принцесса пріѣхала въ сію землю, то первое ея стараніе было, чтобъ отдать любезной своей птицѣ послѣднюю честь, требуемую ею отъ нее. Прекрасныя ея руки сдѣлали маленькой костеръ изъ гвоздики и корицы. Какое было ея удивленіе, какъ она, высыпавъ пепелъ птицы на сей костеръ, увидѣла, что оной самъ собою загорѣлся. Все тотчасъ сгорѣло. Вмѣсто пепла показалось только большое яйцо, изъ котораго птица ея вышла несравненно прекраснѣе прежняго. Сія минута была наипріятнѣйшая, которую Принцесса во всю свою жизнь имѣла. Моглабы ей еще она быть и пріятнѣе, но она оной больше желала, нежели надѣялась.

Я

Я вижу, сказала она птицѣ, что ты Фениксъ, о которомъ мнѣ много разъ сказывали. Я готова умереть отъ удивленія и радости. Я не вѣрила воскресенію мертвыхъ, но щастіе мое меня въ томъ увѣрило. Воскресеніе, милостивая государыня! сказалъ ей Фениксъ, есть вещь на свѣтѣ наиобыкновеннѣйшая. Неудивительно уже больше, чтобъ два раза перодиться. Все можетъ почесться воскресеніемъ на семъ свѣтѣ. Черви перераживаются въ бабочки, желудокъ, посаженной въ землю, въ дерево. Всѣ животныя, зарываемыя въ нѣдро земное, произрастаютъ въ травы, въ произращенія и питаютъ другихъ животныхъ, которыхъ они въ тотъ же часъ составляютъ часть ихъ бытія. Всѣ частицы, составляющія тѣла, превращены въ различныя существа. Правда, что я одинъ, коему мощной Орозмадъ оказалъ милость, что превратилъ въ прежнее его существо.

Формозанта, препровождающая съ самаго того дня, какъ она въ

первой разъ увидѣла Амацана и Феникса, все время въ удивленіи, сказала ему: я довольно понимаю, что высочайшее Существо могло изъ твоего пепла произвесть Феникса, подобнаго тебѣ; но чтобъ ты былъ самой тотъ же и имѣлъ бы ту же самую душу, того, я признаюсь, ясно не понимаю. Что была твоя душа въ то время, какъ я тебя носила въ моемъ карманѣ послѣ твоей смерти?

О Боже мой! не толь же ли легко, милостивая государыня! великому Орозмаду, чтобъ продолжить свое дѣйствіе на самую малую искру меня самаго, какъ начать сіе дѣйствіе? Онъ мнѣ сперва влiялъ чувство, память и мысли; онъ мнѣ еще и теперь оныя даруетъ; но удѣлилъ ли онъ сію милость самомалѣйшей частицѣ элементарическаго огня, скрытаго во мнѣ, или собраніе моихъ дѣйствій, то въ настоящемъ дѣлѣ ничего не значитъ. Фениксы и люди никогда не будутъ знать, какъ сіе произходитъ; но наибольшая милость, оказанная мнѣ вы-

высочайшимъ Существомъ, состоитъ въ томъ, что оно меня оживило для васъ. Для чего не могу я препроводить дватцати осьми тысячь лѣтъ, остающихся къ житію моему до будущаго моего воскресенія, съ вами и съ любезнымъ моимъ Амацаномъ.

Любезной мой Фениксъ! отвѣчала ему Принцесса: вспомни, что первыя твои слова, говоренныя мнѣ тобою въ Вавилонѣ, которыхъ я никогда не забуду, льстили меня надеждою, чтобъ увидѣть того любезнаго пастуха, котораго я боготворю; неотмѣнно надобно намъ обѣимъ вмѣстѣ ѣхать къ Гангаридамъ и привезти его съ собою въ Вавилонъ. Сіе-то и есть мое намѣреніе, сказалъ Фениксъ: не должно терять напрасно ни минуты, надобно искать Амацана самою кратчайшею дорогою, то есть чрезъ воздухъ. Есть въ Щастливой Аравіи два Грифа, мои искренніе пріятели, которые живутъ отсюда только сто пятьдесятъ миль. Я отпишу къ нимъ по почтѣ на го-

лубяхъ; они еще до ночи сюда будутъ. Мы будемъ имѣть время, чтобъ вамъ сдѣлать небольшее канапе покойное съ ящиками, въ которое можно положить для васъ съѣстные припасы. Вамъ и съ придворною вашею Дамою въ семъ дорожномъ экипажѣ сидѣть весьма будетъ покойно. Сіи два Грифа наисильнѣйшіе въ своемъ родѣ; каждой изъ нихъ будетъ держать край канапе въ своихъ когтяхъ; но я еще говорю, время весьма дорого. Онъ пошелъ тотчасъ съ Формозантою и заказалъ сдѣлать канапе обойщику, которой ему былъ знакомъ. Оное поспѣло въ четыре часа. Положили въ ящики булокъ, цукерброту лучшаго, нежели Вавилонской, цитроновъ, ананасовъ, кокосовыхъ орѣховъ, пистаціи и Едемскаго вина, превосходнаго противъ Хиражскаго, такъ какъ Хиражское противъ Сюренскаго.

Канапе было столь легко, сколько покойно и крѣпко. Два Грифа прилетѣли въ Едемъ въ назначенное время. Формозанта и Ирла сѣ-

ли на сію свою воздушную колесницу. Грифы подняли ихъ какъ перо. Фениксъ то летѣлъ подлѣ ихъ, то садился на ту сторону канапе, къ которой спиною облокачиваются. Грифы летѣли къ Гангаридамъ съ такою скоростію, какъ стрѣла, пущенная изъ лука, просѣкаетъ воздухъ. Отдыхали только ночью нѣсколько минутъ для насыщенія пищею, и чтобъ дать напиться двумъ воздушнымъ почтиліонамъ.

Наконецъ прилетѣли къ Гангаридамъ. Сердце Принцессино трепетало отъ надежды, любви и радости. Фениксъ велѣлъ остановиться у дому Амацанова. Онъ хотѣлъ съ нимъ видѣться; но уже три часа прошло, какъ Амацанъ уѣхалъ, и никто не вѣдалъ куда.

Нѣтъ выраженій и на самомъ Гангаридскомъ языкѣ, кои бы могли изобразить отчаяніе, какимъ Формозанта была объята. Ахъ! вотъ чего я опасался, сказалъ Фениксъ: три часа, препровожденные вами въ трактирѣ на дорогѣ къ Бассорѣ съ нещастнымъ Королемъ

Египетскимъ, можетъ быть лишили васъ на вѣкъ благополучія вашей жизни. Я боюсь, чтобъ мы невозвратно не потеряли Амацана.

По томъ спросилъ онъ служителей: можно ли видѣть его родительницу? Они отвѣчали, что третьяго дня супругъ ея скончался, и для того она никого къ себѣ не допускаетъ. Фениксъ, имѣя довольной доступъ въ домѣ, ввелъ Принцессу Вавилонскую въ большой залъ, въ которомъ стѣны оклеены были померанцовымъ деревомъ, и украшены фигурами изъ слоновыхъ костей. Подвластные пастухи и пастушки, одѣтые въ долгія бѣлыя платья, разцвѣченныя авроровыми цвѣтами, поднесли ей во стѣ корзинахъ изъ простаго фарфору сто деликатныхъ кушаньевъ, между которыми не было ни одного изъ убитаго звѣря, которому искуснымъ пріуготовленіемъ даютъ иной видъ; но оныя состояли изъ сорочинскаго пшена, лапши, макароновъ, яишницъ, сыру, сливокъ, разнаго хлѣбеннаго, садовыхъ овощей,

щей, плодовъ такого благовонія и вкуса, о которыхъ въ другихъ странахъ совсѣмъ и понятія не имѣютъ; было притомъ и изобиліе ликеровъ, превосходящихъ наилучшія вина.

Во время то, какъ Принцесса кушала, лежащая на постелѣ изъ розановъ, четыре павлина, по щастію безгласныхъ, обмахивали ее прекрасными своими хвостами. Двѣсти птицъ, сто пастуховъ и сто пастушекъ составляли концертъ на два хора; соловьи, чижики, комары, зяблицы пѣли подъ голосъ съ пастушками дышкантомъ, пастухи пѣли альта и баса: вездѣ являлось прекрасное и простое естество. Принцесса признавалась, что хотя въ Вавилонѣ и больше великолѣпія, однако простота у Гангаридовъ несравненно была пріятнѣе; но во время то, какъ играла сія музыка толь увеселительная и прелестная, проливала она слезы, говоря молодой Ирлѣ, своей придворной Дамѣ: сіи пастухи и пастушки, соловьи и чижики изъ-

являютЪ другЪ другу свою любовь; а я лишена воина Гангаридскаго, достойнаго предмета моихЪ наинѣжнѣйшихЪ и наинетерпѣливѣйшихЪ желаній.

Во время продолженія стола, удивленія и слезЪ ПринцессиныхЪ ФениксЪ говорилЪ матери Амазановой: вы не можете, милостивая государыня! того оставить, чтобЪ не увидѣться сЪ Принцессою Вавилонскою; вы знаете . . . . Я знаю все, сказала она, и то самое, что ей вЪ трактирѣ на дорогѣ кЪ Бассорѣ приключилось. Сего утра дроздЪ мнѣ все разсказалЪ; и сей-то жестокой дроздЪ причиною, что мой сынЪ изЪ отчаянія вошелЪ вЪ такое дурачество и оставилЪ родительской домЪ. И такЪ вы не знаете, спросилЪ ФениксЪ, что Принцесса меня воскресила? НѣтЪ, любезное дитя! я узнала отЪ дрозда, что ты умерЪ, и была отЪ того неутѣшна. Лишеніе тебя, смерть моего мужа и скорой отъѣздЪ сына моего, толь меня опечалили, что я не велѣла никого кЪ

себѣ допускать. Но какъ Принцесса Вавилонская сдѣлала мнѣ честь своимъ пріѣздомъ, то введи ее ко мнѣ поскорѣе; я имѣю ей разсказать весьма важное дѣло и хочу, чтобъ и ты тутъ же былъ. Она пошла тотчасъ въ другой залъ. На встрѣчу Принцессѣ шла съ трудностію, потому что уже имѣла себѣ отъ роду близь трехъ сотъ лѣтъ; однако остатки ея красоты были еще видны, и можно было примѣтить, что во время двухъ сотъ тритцати и до сорока лѣтъ она была прекрасна; приняла Формозанту благороднымъ и почтеннымъ образомъ, оказывая видъ участія и печали, что Принцессу весьма тронуло.

Формозанта изъявляла ей свое сожалѣніе о кончинѣ ея супруга. Ахъ! сказала вдовствующая: вы въ оной должны имѣть больше участія, нежели какъ вы думаете. Я конечно тѣмъ тронута, сказала Формозанта: онъ былъ отецъ того . . . При сихъ словахъ она заплакала. Я только для него и пріѣхала, претер-

пѣвъ довольно опасностей, и для него оставила я моего родителя и наиславнѣйшій дворъ на свѣтѣ; я была захвачена Королемъ Египетскимъ, коего ненавижу. Убѣжавъ отъ сего похитителя, несена была по воздуху, чтобъ видѣть того, кого люблю, пріѣхала, а онъ отъ меня бѣгаетъ! Слезы и тяжкіе вздохи возпрепятствовали ей больше говорить.

Мать Амацанова сказала ей: когда васъ, государыня моя! Король Египетской захватилъ, и когда вы съ нимъ ужинали въ трактирѣ во время путешествія вашего въ Бассору, наливая ему прекрасными вашими руками Хиражское вино, припомните ли вы, что тутъ въ покоѣ леталъ дроздъ? Конечно такъ, вы мнѣ то на память приводите, а я его совсѣмъ и не примѣчала. И такъ теперь, собравшись съ мыслями, помню, что въ самое то время, какъ Король Египетской всталъ изъ за стола, чтобъ меня поцѣловать, дроздъ съ превеликимъ крикомъ

комЪ изЪ окошка вылетѢлЪ и уже больше не показывался.

АхЪ, государыня моя! отвѢчала мать Амаданова: вотЪ то-то и есть дѢйствительная причина нашихЪ нещастій. СынЪ мой послалЪ сего дрозда, чтобЪ освѢдомиться о состояніи вашего здоровья, и что вЪ ВавилонѢ произходитЪ; онЪ надѢялся вЪ скоромЪ времени быть кЪ вамЪ, чтобЪ пасть кЪ вашимЪ ногамЪ и жертвовать вамЪ своею жизнію. Вы не знаете, сЪ какою горячностію онЪ васЪ любитЪ; всѢ Гангариды влюблены и вѢрны; но сынЪ мой всѢхЪ страстнѢе и постояннѢе. ДроздЪ нашелЪ васЪ вЪ трактирѢ; вы весьма вЪ веселомЪ духѢ пили сЪ КоролемЪ ЕгипетскимЪ, и еще сЪ самымЪ простымЪ духовнымЪ; а наконецЪ видѢлЪ онЪ, какЪ вы сЪ большою пріятностію поцѣловали сего Монарха, которой убилЪ Феникса, и кЪ которому мой сынЪ имѢетЪ непреодолимое отвращеніе. ДроздЪ, увидя сіе, пришелЪ вЪ справедливое негодованіе, и улетѢлЪ, проклиная жалостную вашу

лю-

любовь. Онъ сего дня возвратился и все разсказалъ; но въ какой часъ, праведное небо! во время то, въ которое сынъ мой оплакивалъ со мною смерть своего отца и Феникса, во время то, какъ онъ отъ меня увѣдалъ, что онъ вашъ двоюродной братъ.

О небо! онъ мой братъ! Возможноль тому быть? Какимъ случаемъ? Какъ? Что! я толь щастлива! и въ самоежъ то время толь нещастлива, что его обидѣла!

Сынъ мой вашъ двоюродной братъ, я вамъ сказываю, отвѣчала мать Амазанова, и я вамъ тотчасъ покажу сему доказательство; но сдѣлавшись моею свойственницею, лишаете вы меня моего сына. Онъ не снесетъ той печали, которую вы ему чрезъ поцѣлованіе Короля Египетскаго причинили.

Ахъ, тетушка! вскричала прекрасная Формозанта: я вамъ клянусь имъ самимъ и мощнымъ Орозмадомъ, что сей нещастной поцѣлуй конечно невиненъ; но былъ еще сильнымъ опытомъ любви, ка-

кую

кую я только сыну вашему оказать могла. Я для него сдѣлалась непокорна моему родителю, для него поѣхала я отъ Евфрата къ Гангаридамъ. Попавшись въ руки недостойнаго Короля Фараона Египетскаго, не могла отъ него инымъ способомъ убѣжать, какъ чрезъ обманъ. Я въ томъ свидѣтельствуюсь пепломъ и душею Феникса, носимыми тогда въ моемъ карманѣ; онъ мнѣ отдастъ въ томъ справедливость. Но какъ можно сыну вашему, рожденному на Гангаридскихъ берегахъ, быть мнѣ двоюроднымъ братомъ? потому что фамилія моя такое множество вѣковъ царствуетъ на берегахъ Евфратскихъ.

Вы знаете, сказала ей почтенная Гангаридка, что дядя вашъ Алдей былъ Король Вавилонскій, и что онъ ссаженъ съ престола отцемъ Белусовымъ? Такъ, государыня моя! вы знаете, что сынъ его Алдей имѣлъ отъ своего супружества Принцессу Алдею, воспитанную при дворѣ вашемъ. Тотъ-то самой Принцъ, будучи гонимъ вашимъ роди-

дителемъ, убѣжалъ въ нашу щастливую страну подъ другимъименемъ. Онъ на мнѣ женился; я имѣла отъ него молодаго Принца Алдея Амацана наипрекраснѣйшаго, наидобродѣтельнѣйшаго изъ смертныхъ, а нынѣ наибольшаго глупца. Онъ поѣхалъ къ празднеству Вавилонскому, услыша о вашей красотѣ. Съ того времени онъ васъ обожаетъ, и можетъ быть, что я уже никогда опять не увижу любезнаго моего сына.

Потомъ велѣла она предложить Принцессѣ всѣ титулы Алдейскаго дому. Насилу Формозанта удостоила ихъ посмотрѣть. Ахъ, государыня моя! вскричала она, изслѣдываютъ ли то, чего желаютъ? Мое сердце вамъ довольно въ томъ вѣритъ. Но гдѣ Алдей Амацанъ? гдѣ мой свойственникъ, мой любовникъ, мой Король? Гдѣ моя жизнь? По какой дорогѣ онъ поѣхалъ? Я поѣду искать его во всѣхъ земныхъ шарахъ, которые Предвѣчный основалъ, и коихъ онъ наипрекраснѣйшимъ украшеніемъ. Я по-

поѣду и въ созвѣздіе Канопусъ, въ Шеатъ, въ Алде-Баранъ; я поѣду увѣрить его въ моей любви и невинности.

Фениксъ оправдалъ Принцессу въ проступкѣ, которымъ дроздъ ее обвинилъ, будто бы изъ любви Короля Египетскаго поцѣловала; но должно было вывесть изъ сомнѣнія Амацана и привесть его назадъ. Фениксъ послалъ птицъ по всѣмъ дорогамъ, и единороговъ всюду разослалъ. Наконецъ принесли ему извѣстіе, что Амацанъ поѣхалъ по дорогѣ къ Китаю. И такъ поѣдемъ въ Китай, вскричала Принцесса: путь недалекъ; я надѣюсь привезти вамъ вашего сына обратно по крайней мѣрѣ чрезъ пятнатцать дней. При сихъ словахъ какія слезы нѣжности проливали мать Гангаридова и Принцесса Вавилонская! какія обниманія! какія открытія искреннихъ сердецъ!

Фениксъ приготовилъ тотчасъ карету съ шестью единорогами. Мать Амацанова дала двѣсти человѣкъ конницы для провожденія, и подарила

Прин-

Принцессѣ, своей племянницѣ, нѣсколько тысячь наилучшихъ алмазовъ сей земли. Фениксъ, будучи огорченъ злоключенiемъ, произведеннымъ нескромностiю дрозда, приказалъ выгнать изъ сей земли всѣхъ дроздовъ, и съ того времени нѣтъ ихъ уже больше на берегахъ Гангаридскихъ.

§. 5.

Единороги меньше, нежели какъ въ восемь дней привезли Формозанту, Ирлу и Феникса въ Камбалу, столицу Китайскую. Сей городъ гораздо былъ больше Вавилона, и великолѣпiе его отъ онаго совсѣмъ разнствовало. Сiи новые предметы, сiи новые обычаи конечно бы могли увеселять Формозанту, естьли бы она въ состоянiи была о чемъ иномъ думать, кромѣ Амацана.

Какъ скоро Китайской Императоръ увѣдомился, что Принцесса Вавилонская прiѣхала къ первымъ воротамъ города, то послалъ онъ къ ней на встрѣчу четыре тысячи Мандариновъ (*) въ церемонiяльныхъ

(*) Знатной господинъ въ Китаѣ.

ныхъ одеждахъ; всѣ пали передъ нею на землю и подали ей каждой поздравленіе, писанное золотыми литерами на листѣ изъ пурпуроваго шелку. Формозанта сказала имъ, что естьли бы она имѣла четыре тысячи языковъ, то бы не оставила, чтобъ тотчасъ же не отвѣтствовать каждому Мандарину особо; но имѣя только одинъ языкъ, проситъ принять за благо, естьли оной употребитъ, чтобъ ихъ поблагодарить всѣхъ вдругъ. Они ее почтительно проводили къ Императору.

Сей Монархъ былъ наисправедливѣйшій, наиучтивѣйшій и наиразумнѣйшій. Онъ-то первой обработалъ небольшее поле своими Императорскими руками, чтобъ сдѣлать хлѣбопашество почтеннымъ своему народу. Онъ первой ввелъ награжденія за добродѣтель. Во всѣхъ другихъ земляхъ законы ограничены были къ ихъ стыду, чтобъ только наказывать преступленія. Сей Императоръ выгналъ изъ своего государства толпу

 пу

пу Бонзовъ (*) иностранныхъ, пришедшихъ изъ дальнѣйшихъ западныхъ краевъ въ несмысленной надеждѣ, чтобъ присудить весь Китай думать такъ, какъ и они, и подъ видомъ проповѣдыванія истинны получившихъ уже богатства и достоинства. При выгнаніи ихъ сказалъ онъ имъ изустно слѣдующія слова, которыя записаны въ государственной лѣтописи:

„Вы бы могли здѣсь сдѣлать „столько же худаго, какъ и въ „прочихъ мѣстахъ; вы пріѣхали „сюда проповѣдывать догматы пре„зрѣнія закона у народа наисогла„снѣйшаго на земли. *Я* васъ от„сылаю назадъ, чтобъ не быть „никогда принуждену васъ наказы„вать. Вы будете съ честію про„вождены до моихъ границъ; вамъ „дадутъ все потребное, чѣмъ вы „можете возвратиться въ ту стра„ну свѣта, изъ которой вы прі„ѣхали. Поѣзжайте съ миромъ, „естьли вы можете быть въ ми„рѣ, и больше не возвращайтесь.„

Пони.

(*) Попъ въ Китаѣ и Японіи.

Принцесса Вавилонская радовалась, узнавъ о семъ разсужденіи и разговорѣ, въ надеждѣ той, что вѣрно будетъ изрядно при дворѣ принята, потому что отъ догматовъ презрѣнія закона весьма была отдалена. Императоръ Китайской обѣдалъ съ нею только одинъ, и былъ столько учтивъ, что отставилъ все принужденіе излишней церемоніи; она представила ему Феникса, котораго онъ весьма ласкалъ, и оной сѣлъ на его креслы. Формозанта при концѣ обѣда откровеннымъ образомъ сказала ему причину своего путешествія и просила его, чтобъ приказалъ поискать въ Камбалу прекраснаго Амацана, котораго приключенія она ему разсказала, не скрывъ отъ него и нещастной страсти, которую сердце ея чувствовало къ сему молодому воину. Кому вы о томъ сказываете? отвѣчалъ ей Императоръ Китайской, онъ мнѣ сдѣлалъ большое удовольствіе своимъ пріѣздомъ къ моему двору; онъ меня совсѣмъ плѣнилъ; сей любезной Амацанъ!

Правда, что онъ въ глубокой печали; но видъ его еще тѣмъ пріятнѣе. Никто изъ моихъ любимцевъ не имѣетъ столько разума, какъ онъ; ни которой изъ ученыхъ Мандариновъ не имѣетъ такихъ пространныхъ знаній, а изъ военныхъ столько храбрости и мужества. Самая его юность придаетъ новое достоинство всѣмъ его качествамъ; естьли бы я столь былъ нещастливъ и толь оставленъ отъ боговъ Тіена и Хангти, чтобъ захотѣлъ быть побѣдителемъ, то бы я просилъ Амацана повелѣвать моею арміею, и конечно былъ бы увѣренъ, чтобъ весь свѣтъ завоевалъ. Весьма жаль, что печаль его приводитъ иногда въ смущеніе.

Ахъ, государь мой! сказала ему Формозанта съ видомъ горячности, печали, удивленія и выговора, для чего вы меня съ нимъ обѣдать не допустили? Вы лишаете меня жизни, пошлите тотчасъ его сюда позвать. Государыня моя! онъ сего утра уѣхалъ и не сказалъ, въ которую страну. Формозанта, обратясь

тясь къ Фениксу, сказала: видалъ ли ты, Фениксъ! дѣвицу нещастнѣе меня? Но государь мой! продолжала она, для чего оставилъ онъ толь скоро такой прелестной дворъ, каковъ есть вашъ, при которомъ бы, кажется мнѣ, и весь вѣкъ свой проводить можно было?

Вотъ, государыня моя! что сдѣлалось. Одна знатная и прекрасная Принцесса въ него влюбилась, и назначила ему свиданіе съ собою въ своемъ домѣ около полудня. Онъ уѣхалъ на самомъ разсвѣтѣ, и оставилъ сіе письмецо, которое стоило много слезъ моей свойственницѣ.

„Прекрасная Принцесса Китай-„ской крови! вы достойны сердца, „которое бы навсегда было ваше. „Я клялся безсмертнымъ богамъ, „чтобъ никогда не любить, кромѣ „Формозанты Принцессы Вавилон-„ской, и чтобъ ее увѣрить, ка-„кимъ образомъ можно обладать „своими страстьми въ путешествi-„яхъ. Она имѣла нещастіе пре-„даться власти недостойнаго Ко-„роля Египетскаго; я наинещастли-

 „вѣй-

„вѣйшій человѣкъ лишился моего
„родителя, Феникса и надежды,
„чтобъ быть любиму Формозан-
„тою; я оставилъ печальную мою
„мать и отечество, не могъ жить
„ни минуты въ тѣхъ мѣстахъ, въ
„которыхъ провѣдалъ, что Формо-
„занта любитъ другаго, кромѣ ме-
„ня; я клялся, чтобъ объѣхать
„весь свѣтъ и быть вѣрнымъ. Вы
„бы меня возненавидѣли, и боги
„бы меня наказали, естьли бы я
„нарушилъ мою клятву. И такъ,
„государыня моя! изберите себѣ
„любовника, и будьте также вѣр-
„на, какъ и я.„

Ахъ! оставьте мнѣ сіе удивленія достойное письмо, сказала прекрасная Формозанта, оно будетъ моимъ утѣшеніемъ; я щастлива въ моемъ злоключеніи. Амацанъ меня любитъ, и для меня отказываетъ Принцессамъ Китайскимъ. Онъ только одинъ на землѣ можетъ одержать такую побѣду, и чрезъ то подаетъ мнѣ великой примѣръ. Фениксъ знаетъ, что я въ ономъ не имѣла нужды; весьма несносно лишиться

ся своего любовника за самой невиннѣйшій поцѣлуй, данной изъ одной только вѣрности. Но куда же онъ поѣхалъ? по которой дорогѣ? удостойте меня объ ономъ знать, и я поѣду.

Императоръ Китайской отвѣчалъ ей, что по полученнымъ извѣстіямъ надѣется онъ, что любовникъ ея обратилъ путь свой къ Скиѳской землѣ. Тотчасъ единороговъ запрягли, и Принцесса по оказаніи наинѣжнѣйшихъ привѣтствій простилась съ Императоромъ и поѣхала съ Фениксомъ, съ придворною своею Дамою Ирлою и со всею своею свитою.

Какъ скоро она въ Скиѳскую землю пріѣхала, то уже ясно могла видѣть, коль различны люди и правленія. Они и всегда будутъ различны даже до того времени, когда нѣкоторой народъ, гораздо просвѣщеннѣйшій другихъ, мало по малу введетъ просвѣщеніе послѣ тысячи вѣковъ заблужденія, и когда въ варварскихъ странахъ покажутся Герои, имѣющіе силу и тер-

тѣніе, чтобъ скотовъ перемѣнить въ людей. Въ Скиѳской землѣ не было городовъ, слѣдовательно не было и пріятныхъ искусствъ и наукъ; были только пространныя поля, и цѣлые народы жили въ палаткахъ и въ кибиткахъ. Сей взоръ вливалъ нѣкоторой ужасъ. Формозанта спросила, въ которой палаткѣ, или кибиткѣ живетъ Король? Сказали ей, что восемь дней тому назадъ, какъ онъ пошелъ съ тремя стами тысячами человѣкъ конницы противъ Короля Вавилонскаго, увезши его племянницу, прекрасную Принцессу Алдею. Онъ увезъ мою сестру! вскричала Формозанта. Я совсѣмъ не воображала себѣ сего новаго приключенія. Какъ! сестра моя, почитающая себѣ за большое щастіе, когда мнѣ могла оказать почтеніе, сдѣлалась Королевою, а я еще не замужемъ! Она тотчасъ велѣла себя отвести въ палату къ Королевѣ.

Нечаянное ихъ свиданіе въ сихъ отдаленныхъ странахъ, множество особливыхъ матерій, которыя онѣ

имѣли

имѣли другъ другу разсказать; произвели въ разговоръ пріятность, побудившую ихъ забыть то, что онѣ другъ друга никогда не любили; и такъ увидѣлись онѣ въ радостномъ возхищеніи. Прелестное ослѣпленіе заступило мѣсто истинной ласки; онѣ обняли другъ друга со слезами, оказывая также искренность и откровенность, потому что свиданіе было не въ палатахъ.

Алдея узнала Феникса и Ирлу; она подарила сестрѣ своей собольихъ мѣховъ, а оная ей напротивъ много алмазовъ. Разговаривали о войнѣ, произшедшей между двумя Королями; сожалѣли о состояніи людей, которыхъ Монархи по прихотямъ своимъ посылаютъ на смерть за такія между собою ссоры, кои бы двумя только честными людьми въ часъ могли быть прекращены; а особливо разговаривали они о прекрасномъ чужестранцѣ, побѣдителѣ львовъ, подарившемъ наибольшіе алмазы, какіе могли быть на свѣтѣ, сочинителѣ мадригаловъ,

имѣющемъ у себѣ Феникса, и сдѣлавшемся наконецъ наинещастливѣйшимъ человѣкомъ, по увѣдомленію одного только дрозда. Это мой любезной братъ, сказала Алдея. Это мой любовникъ, вскричала Формозанта: вы конечно его видѣли, онъ можетъ быть еще здѣсь, для того сестрица когда знаетъ, что вашъ братъ, то думаю отъ васъ не такъ скоро уѣдетъ, какъ отъ Императора Китайскаго.

Видѣла ли я его, великіе боги! отвѣчала Алдея, онъ цѣлые четыре дня у меня пробылъ? Ахъ, сестрица! какого только сожалѣнія достоинъ мой братъ! Ложное извѣстіе сдѣлало его совсѣмъ безумнымъ; онъ бѣгаетъ по свѣту, не зная куда ѣдетъ. Представьте вы себѣ, что дурачествомъ своимъ онъ до такой крайности дошелъ, что отказалъ любви одной Скиѳіанки, наипрекраснѣйшей изъ всей Скиѳской земли. Онъ поѣхалъ вчера, написавъ къ ней письмо, отъ котораго она пришла совсѣмъ въ отчаяніе. Путь свой предпріялъ онъ

къ Симмеріанамъ. Слава Богу! вскричала Формозанта, еще отказалъ для меня! Щастіе мое превзошло мою надежду, такъ нещастіе всѣ мои опасности. Прикажите мнѣ дать сіе любезное письмо, чтобъ я за нимъ вѣ слѣдъ поѣхала, преисполнена его жертвами. Прощай, сестрица! Амацанъ у Симмеріанъ. Я туда лечу.

Алдея почла, что Принцесса, сестра ея, была еще гораздо глупѣе брата ея Амацана. Но какъ она и сама чувствовала сію заразу, оставя роскоши и великолѣпіе Вавилонское для Короля Скиѳскаго; и какъ женщины всегда пріемлютъ участіе въ дурачествахъ, причинимыхъ любовію: то она дѣйствительно сжалилась надъ Формозантою, желала ей благополучнаго пути и обѣщала въ любви ея вспомоществовать, естьли будетъ столько щастлива, что увидитъ своего брата.

§. 6.

Принцесса Вавилонская и Фениксъ скоро пріѣхали въ государ-

ство Симмеріанское, которое хотя и не такЪ было многолюдно, какЪ Китайское; но напротивЪ того вдвое пространнѣе, и напредь сего похожее на Скиѳскую землю, а предЪ недавнымЪ временемЪ пришедшее вЪ толь же цвѣтущее состояніе, какЪ и государства, которыя хвалились, что другихЪ учить могутЪ.

ЧрезЪ нѣсколько дней пріѣхали они вЪ весьма великой городЪ, которой владѣющая Императрица повелѣла украшать; но ее вЪ ономЪ не было. Она путешествовала тогда отЪ ЕвропейскихЪ границЪ кЪ границамЪ Азіи, чтобЪ собственнымЪ своимЪ окомЪ узнать свои государства, чтобЪ разсуждать о недостаткахЪ и оныя поправить, чтобЪ умножить пользы и повсюду разсѣять наставленія.

ОдинЪ изЪ главныхЪ правителей сего древняго столичнаго города, узнавЪ о пріѣздѣ Принцессы Вавилонской и Фэникса, постарался оказать ей свою преданность и сдѣлать надлежащую честь, будучи

точно увѣренъ, что Государыня его, которая была наичувствительнѣйшая и великодушнѣйшая изъ Монархинь, окажетъ ему свое благоволеніе за принятіе толь великой Принцессы, съ такимъ же почтеніемъ, которое бы и собственною персоною ей наивозможнымъ образомъ оказать не оставила.

Формозантѣ отведены были покои во дворцѣ, отъ котораго отбили множество собравшагося подлаго народа; вымышляли для нее разныя увеселенія. Знатной Симмеріанской господинъ, будучи великой испытатель естества, разговаривалъ много съ Фениксомъ въ то время, какъ Принцесса была въ своихъ покояхъ. Фениксъ признавался ему, что онъ бывалъ прежде сего у Симмеріанъ, и больше уже сей земли не узнаетъ. Отъ чего могли произойти, сказалъ онъ, толь великія перемѣны въ такое короткое время? Не прошло еще трехъ сотъ лѣтъ, какъ я видѣлъ здѣсь дикое естество во всемъ его ужасѣ, а теперь нахожу искусства, велико-

лѣпіе,

лѣніе, славу и учтивость. Одинъ только человѣкъ началъ сіе великое дѣло, отвѣчалъ Симмеріанинъ, Дама оное совершила, Дама была лучшею законодательницею, нежели какъ Изисъ Египетская и Церера Греческая. Законодатели были по большой части недальняго понятія, склонны къ самовластію, ограничивающему намѣренія ихъ только на землю, которою они управляли: всякой почиталъ свой народъ, какъ будто бы онъ одинъ былъ на землѣ, или какъ будто бы долженъ былъ непріятелемъ быть всѣмъ другимъ народамъ. Они сдѣлали узаконенія для сего одного народа, ввели обычаи и уставили законъ для него только одного. Такъ-то Египтяне, толь славные каменными своими горами, сдѣлались глупыми и непочтенными чрезъ свои варварскія суевѣрія. Они почитаютъ другихъ народовъ невѣрными, не сообщаются съ ними, и кромѣ двора, которой иногда возносится надъ предубѣжденіями подлаго народа, нѣтъ Египтянина, которой бы хотѣлъ

ѣсть съ того блюда, кое иностранной употреблялъ. Попы ихъ жестоки и суевѣрны. Лучше не имѣть законовъ и слѣдовать только естеству, которое въ сердца наши запечатлѣло чувствованіе того, что справедливо и несправедливо, нежели подвергать общество законамъ толь необходительнымъ.

Императрица наша напротивъ того совсѣмъ иныя имѣетъ намѣренія. Она почитаетъ, что пространное ея государство, въ которое всѣ полуденныя линіи стекаются, неотмѣнно должно обращаться со всѣми народами, обитающими подъ сими различными полуденными линіями. Главное ея правило состояло въ дозволеніи свободнаго отправленія всѣхъ законовъ и въ сожалѣніи о всѣхъ преступленіяхъ. Великой ея духъ предузналъ, что хотя церковные обряды и различны, однако нравоученіе вездѣ равно. Симъ способомъ соединила она свой народъ со всѣми народами на свѣтѣ, и Симмеріане почитаютъ Скандинавіянъ и Китайцовъ за

брать-

братьевЪ. Она еще больше произвела, возжелавЪ, чтобЪ сіе преполхвальное дозволеніе, какЪ главной союзЪ между людьми, завелось бы и у ея сосѣдей; и такЪ заслужила она титуль матери отечества, и продолжая оное навсегда, будетЪ имѣть имя и благодѣтельницы рода человѣческаго.

До нее люди, по нещастію большую власть имѣющіе, посылали толпы грабителей разбивать новыя неизвѣстныя селенія и орошать ихЪ кровію наслѣдія отцовскія. СихЪ смертоубійцЪ называли воинами, а грабленіе ихЪ славою. Государыня наша имѣетЪ совсѣмЪ другую славу; она послала арміи, чтобЪ произвесть тишину, возпрепятствовать людямЪ себя вредить, принудить ихЪ терпѣть другЪ друга, и знаменами своими произвесть общее согласіе.

ФениксЪ, чрезмѣрно плѣнясь всемЪ тѣмЪ, что ему сей господинЪ разсказывалЪ, сказалЪ ему: государь мой! я уже живу на свѣтѣ двадцать семь тысячь девять сотЪ

лѣтЪ

лѣтъ и семь мѣсяцовъ; однако еще не видывалъ подобнаго сему, что вы мнѣ теперь сказывали. Онъ спрашивалъ у него о пріятелѣ своемъ Амаданѣ. Симмеріанинъ разсказалъ ему тоже, что сказали Принцессѣ у Китайцовъ и у Скиѳовъ. Амаданъ бѣгалъ отъ всѣхъ дворовъ, къ которымъ пріѣзжалъ, какъ скоро только отъ какой Дамы назначено было ему свиданіе, опасаясь, чтобъ при ономъ вѣрности своей не нарушить. Фениксъ увѣдомилъ тотчасъ Формозанту о семъ новомъ къ ней знакѣ вѣрности Амадановой, которая тѣмъ больше была удивленія достойна, что онъ совсѣмъ не надѣялся, чтобъ Принцесса его объ оной когда нибудь могла быть увѣдомлена.

Онъ поѣхалъ въ Скандинавію. Въ сихъ странахъ представились глазамъ его еще новыя позорища: въ одной части Королевское достоинство и вольность состояли чрезъ договоръ въ такомъ равенствѣ, которое въ другихъ государствахъ кажется быть невозможнымъ: хлѣбопа-

пахари въ законодательствѣ имѣли такое же участіе, какъ и знатные государственные чины, и молодой Государь подавалъ наибольшую о себѣ надежду, что можетъ быть достойнымъ обладателемъ вольнаго народа. Въ другой же части было нѣчто весьма странное; одинъ только Король, которой поправилъ чрезъ заключенной формально съ своимъ народомъ договоръ, владѣлъ на землѣ какъ самовластной Государь, былъ притомъ самой младшій и справедливѣйшій изъ Королей.

У Сарматовъ увидѣлъ Амаданъ на престолѣ Философа: можно было его назвать Королемъ Анархіи (*), потому что онъ былъ повелитель ста тысячи малыхъ Королей, изъ коихъ одинъ могъ только словомъ уничтожить намѣренія всѣхъ прочихъ. Эолъ не больше имѣлъ труда, чтобъ удержать всѣ вѣтры, безпрестанно противоборющіеся, какъ сей Монархъ, чтобъ привесть въ согласіе различные умы. Онъ былъ

(*) Состояніе земли безъ владѣнія.

былъ кормчій, окруженной безпрестанною бурею, а однако корабль не разбивался, потому что прeизрядно рулемъ правилъ.

Амаханъ, проѣзжая всѣ сіи земли толь отличныя отъ его отечества, съ великимъ постоянствомъ убѣгалъ всѣхъ любовныхъ случаевъ, ему представляющихся, въ безпрестанномъ отчаяніи о поцѣлуѣ, данномъ Формозантою Королю Египетскому, и несказанной твердости въ непонятномъ своемъ намѣреніи, чтобъ подать Формозантѣ примѣръ несравненной и непоколебимой вѣрности.

Принцесса Вавилонская съ Фениксомъ ѣздила за нимъ слѣдомъ повсюду, и не заставала его не больше какъ днемъ, или двумя, такъ что одинъ не уставалъ бѣгать, а другая не упускала ни одной минуты, чтобъ за нимъ не слѣдовать.

И такъ проѣхали они всю Германію; удивлялись успѣхамъ, кои разумъ и Философія въ сѣверныхъ странахъ производили. Всѣ Государи тамъ были учены, всѣ имѣли

 сво-

свободныя мысли; воспитаніе ихъ не было поручено людямъ, которые бы имѣли въ томъ пользу, чтобъ ихъ обмануть, или бы сами были обмануты; воспитывали ихъ въ познаніи нравоученія всеобщаго и въ пренебреженіи суевѣрія; во всѣхъ сихъ государствахъ изтреблено было несмысленное обыкновеніе, которое обезсиливало и опустошало многія полуденныя страны. Сіе обыкновеніе состояло въ томъ, чтобъ зарывать живыхъ въ пространныя тюрьмы безчисленное множество людей обоего пола, разлучая ихъ на вѣки другъ отъ друга, и приводя къ клятвѣ, чтобъ не имѣли никогда между собою сообщенія. Сіе чрезвычайное дурачество, бывшее однако чрезъ нѣсколько вѣковъ въ почтеніи, такъ опустошило землю, какъ и наиужаснѣйшія войны.

Полночные Государи узнали наконецъ, что естьли имѣть конской заводъ, то не должно отлучать самыхъ сильныхъ жеребцовъ отъ кобылъ. И такъ изтребили они множество пороковъ толь странныхъ

и

и вредительныхъ; а потомъ люди осмѣлились быть разумными въ сихъ обширныхъ земляхъ, когда еще въ другихъ мѣстахъ думали, что ими не иначе управлять можно, какъ только по соображенію ихъ глупости.

§. 7.

Амацанъ пріѣхалъ къ Батавіанамъ; сердце его почувствовало сладкое удовольствіе въ его печали, нашедши тамъ нѣкоторое слабое изображеніе земли щастливыхъ Гангаридовъ, вольность, равенство, чистоту, изобиліе, свободное отправленіе закона; но Дамы въ сей землѣ толь были холодны, что ни одна на него, такъ какъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ дѣлали, любовнаго нападенія не учинила, и по тому не имѣлъ къ сопротивленію труда. Естьли бы онъ захотѣлъ самъ къ нимъ приступить, то бы конечно всѣхъ одну за другою себѣ покорилъ, не будучи любимъ ни отъ которой; но мысли его отъ пріобрѣтенія побѣдъ совсѣмъ были отдалены.

Едва Формозанта не застала его у сего неискуснаго народа; не доставало только одной минуты.

Амацанъ услышалъ у Батавіанъ толь великую похвалу о нѣкоторомъ островѣ, называемомъ Албіонъ, что онъ вознамѣрился сѣсть и съ единорогами своими на корабль, которой способнымъ восточнымъ вѣтромъ привезъ его въ четыре часа къ берегамъ сей земли, гораздо славнѣйщей Тира и острова Атлантическаго.

Прекрасная Формозанта, слѣдующая за нимъ къ берегамъ Двины, Вислы, Элбы, Везера, пріѣхала наконецъ къ устью Рейна, которая рѣка тогда быстрымъ своимъ теченіемъ въ Германическое море протекала.

Она увѣдомилась, что любовникъ ея поѣхалъ къ брегамъ Албіона, надѣялась увидѣть его корабль, произвела радостной крикъ, чему всѣ Батавскія Дамы удивились, не воображая себѣ, чтобъ молодой человѣкъ могъ быть причиною такой радости. Феникса же они за чудо не сочли, потому что имѣли

утокъ и гусей, живущихъ у нихъ на болотахъ, коихъ перья продавали, а Фениксовы не почитали толь удобными къ продажѣ. Принцесса Вавилонская наняла два корабля для переѣзда со всею своею свитою въ сей щастливой островъ, на которомъ былъ единственной предметъ всѣхъ ея желаній, душа ея жизни, богъ ея сердца.

Вдругъ поднялся противной вѣтръ отъ запада въ самое то время, какъ вѣрной и нещастной Амазанъ вышелъ на островъ Албіонъ; корабли Принцессины не могли отвалить отъ берега. Стѣсненіе сердца, горькая печаль и глубокая задумчивость обладали Формозантою; съ горести своей легла она на постелю, ожидая перемѣны вѣтра; но онъ дулъ цѣлые восемь дней съ жестокостію, приводящею ее въ отчаяніе. Принцесса во время сихъ осьми дней, которые ей цѣлымъ вѣкомъ показались, заставила Ирлу читать себѣ романы. Не Батавіане оные умѣли сочинять; но какъ они были подрядчики всего свѣта,

то продавали разумъ другихъ народовъ такъ, какъ и съѣстные свои припасы. Принцесса велѣла купить у Марка Михеля Рея всѣ сказки, писанныя у Озоніановъ и Велховъ, которыхъ продажа у сихъ народовъ весьма разумно была запрещена для обогащенія чрезъ то Батавіанъ. Она надѣялась найти въ сихъ исторіяхъ нѣкоторое приключеніе сходное съ своимъ, кое бы могло утолить ея печаль. Ирла читала; Фениксъ сказывалъ на то свое мнѣніе, и Принцесса не нашла ни въ щасливой крестьянкѣ, ни въ Тонзаѣ, ни въ Софѣ, ни въ четырехъ Факардинахъ, ничего сходственнаго съ ея приключеніями; она безпрестанно прерывала чтеніе, спрашивая, съ которой стороны вѣтръ.

§. 8.

Между тѣмъ Амацанъ ѣхалъ уже по дорогѣ къ столицѣ Албіонской въ каретѣ своей, запряженной шестью единорогами, и былъ въ глубокой задумчивости о своей Принцессѣ; онъ увидѣлъ опрокинутую въ ровъ коляску. Люди разошлись

искать

искать помощи; а господинъ сидѣлъ въ оной спокойнымъ духомъ, не оказывая ни малѣйшей нетерпѣливости, и забавлялся куреніемъ табаку; потому что тогда уже курили. Онъ назывался Милордъ Ваттенъ, что на ономъ языкѣ, съ котораго я перевожу сіи извѣстія, столько значитъ, какъ *Милордъ Безпечной*.

Амаценъ поспѣшилъ подать ему помощь; онъ одинъ вытащилъ его коляску изъ рва. Толь сила его была превосходна противъ прочихъ людей. *Милордъ Безпечной* сказалъ ему только: вотъ человѣкъ довольно сильной. Мужики сосѣдственные прибѣжали, разсердились, что ихъ по напрасну призвали, и напали на чужестранца съ великими угрозами, называя его чужею собакою и хотѣли его бить.

Амаценъ захватилъ ихъ по двое въ каждую руку, и отбросилъ отъ себя на двадцать шаговъ; другіе стали чрезъ то учтивѣе, кланялись ему и просили у него денегъ на вино. Онъ имъ далъ толь много,

 что

что они отъ роду столько не видывали. *Милордъ Безпечной* сказалъ ему: *я васъ почитаю*, поѣдемъ ко мнѣ обѣдать въ загородной мой домъ, который отсюда только три мили. Онъ сѣлъ въ карету къ Амацану, потому что коляска его отъ паденія испортилась.

Помолчавъ съ четверть часа, посмотрѣлъ онъ нѣсколько на Амацана, и сказалъ ему: hou dye do, по словамъ: *какъ вы дѣлаете дѣлать?* На языкѣ переводчика, *какъ вы обрѣтаетесь?* что ни на какомъ языкѣ ничего не значитъ; по томъ сказалъ онъ: вы имѣете шесть преизрядныхъ единороговъ, и началъ опять курить табакъ.

Путешествующій Амацанъ сказалъ ему, что онъ его единорогами своими даритъ, и ѣдетъ на нихъ изъ земли Гангаридской. Сіе подало ему случай говорить о Принцессѣ Вавилонской и о нещастномъ поцѣлуѣ, данномъ ею Королю Египетскому. На что онъ ни слова не отвѣчалъ, имѣя весьма мало попеченія о томъ, есть ли на свѣтѣ

Король

Король Египетской и Принцесса Вавилонская. Онъ молчалъ еще четверть часа, а по томъ опять спросилъ своего товарища: *какъ онъ дѣлаетъ дѣлать*, и ѣдятъ ли въ землѣ Гангаридской хорошій *ростбифъ*? Путешествующій отвѣчалъ съ обыкновенною своею учтивостію, что не ѣдятъ своихъ братьевъ въ странахъ Гангаридскихъ. Онъ изъяснялъ ему систему, бывшую чрезъ толь множество вѣковъ Пиѳагорову, Порфиррову и Ямблихову. Милордъ отъ того заснулъ до тѣхъ поръ, пока къ его двору пріѣхали.

Онъ имѣлъ молодую и прелестную жену, которая отъ природы толь была жива и чувствительна, какъ мужъ ея напротивъ того безпеченъ. Многіе Албіонскіе господа пріѣхали къ ней въ сей день обѣдать. Были между ими люди различныхъ нравовъ; потому что какъ сія земля почти всегда управляема была чужестранными, то фамиліи, вышедшія съ сими Принцами, привезли съ собою различные обычаи. Въ собраніи были люди весьма любе-

безные: иные превосходнаго разума, а иные высокой науки.

Хозяйка не имѣла въ себѣ никакого неискуснаго и заимственнаго вида, и ни мало изъ той суровости и безстыдства, коими тогда молодыхъ Албiонскихъ Дамъ укоряли. Она не скрывала презрительнымъ видомъ и принужденнымъ молчанiемъ недостатка своихъ понятiй и умильнаго замѣшательства, въ какомъ бываютъ тогда, когда не имѣютъ чего сказать. Никакая женщина не была столь снизходительна. Она приняла Амацана съ учтивостiю и прiятностiю ей свойственными. Чрезвычайная красота сего молодаго чужестранца, и скорое сравненiе, сдѣланное ею между имъ и своимъ мужемъ, тотчасъ ее чувствительнымъ образомъ тронули.

Столъ изготовили. Она посадила Амацана подлѣ себя, и потчивала его пуддиномъ разныхъ сортовъ, узнавъ отъ него, что Гангариды не питались ничѣмъ тѣмъ, что получило отъ боговъ небесной даръ жизни. Красота его и сила, обычак

чаи Гангаридовъ, успѣхи искусствъ, законъ и правленіе, были матеріи разговора столько же пріятнаго, какъ и наставленіями наполненнаго, во время обѣда, продолжавшагося до ночи, при которомъ *Милордъ Безпечной* пилъ много и ни слова не говорилъ.

Послѣ обѣда, какъ Милади, наливая чай, глазъ своихъ съ молодаго человѣка не спускала, разговаривалъ онъ съ Парламентскимъ членомъ; потому что всякому извѣстенъ тогда былъ Парламентъ, и назывался оной Wittenagemot, что значитъ собраніе разумныхъ людей. Амаzанъ освѣдомлялся о учрежденіи, нравахъ, законахъ, о военной силѣ, обыкновеніяхъ, искусствахъ, дѣлающихъ сію землю толь славною, и сей господинъ изъяснялся ему въ слѣдующихъ словахъ:

Мы долго ходили совсѣмъ наги, хотя климатъ нашъ и нетепелъ. У людей, пришедшихъ изъ древней земли Сатурновой, которую Тибрскія воды орошаютъ, долго находились мы подъ неволею; но мы сами

сами себѣ сдѣлали больше зла; нежели какъ онаго имѣли отъ первыхъ нашихъ побѣдителей. Одинъ изъ нашихъ Королей толь уничижился, что обьявилъ себя подданнымъ одного попа, живущаго также на берегахъ Тибрскихъ, коего называли старикомъ Семи Горъ. Толь давно уже судьба опредѣлила сіи Семь Горъ владѣть большею частію Европы, въ которой тогда несмысленные скоты обитали.

Послѣ сихъ временъ уничиженія пришли вѣки жестокости и междоправленія. Земля наша, взволновавшись больше, нежели какъ моря, оную окружающія, была опустошена и окровавлена чрезъ наши не согласія, многія коронованныя главы были казнены; болѣе ста Князей, происходящихъ отъ крови Королевской, окончали дни свои на мѣстѣ казни. У всѣхъ ихъ сообщниковъ вынули сердца, и били ихъ оными по щекамъ. Палачу бы должно было писать исторію нашего острова, потому что онъ одинъ былъ рѣшитель всѣхъ великихъ дѣлъ.

Но

Не давно къ вящшему ужасу, нѣкоторыя особы, носящія черныя епанчи, а другія, надѣвающія бѣлыя рубашки сверьхъ своихъ фуфаекъ, будучи укушены бѣшеными собаками, заразили весь народъ своимъ свирѣпствомъ. Всѣ жители сдѣлались или убійцы, или удавленные, палачи, или казненные, грабители, или невольники, за имя небесное и ища Господа.

Кто бы могъ повѣрить, чтобъ изъ сей ужасной бездны, изъ сей смѣси несогласія, жестокости, невѣжества и возмечтанія произошло наконецъ наисовершеннѣйшее правленіе, какое только нынѣ можетъ быть на свѣтѣ. Король почитаемой и богатой, имѣющій полную власть дѣлать добро, не властительной дѣлать зло, повелѣваетъ народомъ вольнымъ, къ войнѣ и коммерціи способнымъ и просвѣщеннымъ. Знатные господа съ одной, а старшины городскіе съ другой стороны дѣлятъ законодательство съ Государемъ.

Особ-

Особливой предѣлъ доказалъ безпорядки, междоусобныя брани, Анархію и бѣдность, опустошающія землю, когда Короли присвоивали себѣ полную власть; тишина, богатство и общее благополучіе не иначе у насъ царствовали, какъ когда Короли признавали себя несамовластными. Все было превратно, естьли спорили о дѣлахъ непонятныхъ; все же напротивъ того было порядочно, когда оныя не уважали. Наши побѣдоносные флоты являютъ славу нашу на всѣхъ моряхъ, а законы приводятъ благополучіе наше въ безопасность; никогда судья не можетъ оные толковать по своей волѣ, и никогда не выдадутъ приговора, не показавъ въ немъ ясныхъ доказательствъ. Мы бы наказали, такъ какъ убійцъ, судей, которые бы отважились лишить жизни мѣщанина, не обнародовавъ свидѣтельствъ его обвиняющихъ и закона его присуждающаго.

Правда, что у насъ есть безпрестанно двѣ партіи, борющіяся ме-

между собою перомъ и разными пронырствами; но они всегда соглашаются, когда дѣло дойдетъ до того, чтобъ принять оружіе къ защищенію отечества и вольности. Сіи двѣ партіи смотрятъ одна за другою. Они съ обѣихъ сторонъ другъ другу препятствуютъ нарушать святой залогъ законовъ; другъ друга ненавидятъ, но любятъ государство; они ревнивые любовники, которые изъ зависти одной любовницѣ служатъ.

По таковому же побужденію разума, заставившему насъ узнать и утвердить права естества человѣческаго, привели мы и науки въ толь высочайшій степень, въ какой только они между людьми притти могли. Ваши Египтяне, почитаемые за толь великихъ Механиковъ, Индѣйцы ваши за толь великихъ Философовъ, Вавилоняне, похвалявшіеся звѣздочетствомъ чрезъ четыре ста тритцать тысячь лѣтъ; Греки, писавшіе толь много рѣчей, а толь мало дѣла, дѣйствительно не знаютъ ничего въ

сравнении самыхъ послѣднихъ нашихъ учениковъ, обучившихся открытіямъ великихъ нашихъ учителей. Мы во сто лѣтъ больше испытали сокровенностей естества, нежели какъ родъ человѣческой открылъ оныхъ во множество вѣковъ.

Вотъ истинное состояніе, въ которомъ мы теперь находимся. Я вамъ не скрылъ ни добра, ни худа, ни нашего позора, ни нашей славы, и ни въ чемъ лишняго не прибавилъ.

Амацанъ почувствовалъ при семъ разговорѣ великое желаніе обучиться симъ высокимъ наукамъ, о которыхъ ему сказывали; и естьли бы страсть его къ Принцессѣ Вавилонской, сыновнее его почтеніе къ оставленной имъ родительницѣ и любовь къ отечеству стѣсненнаго его духа толь сильно не трогали, то бы онъ конечно вознамѣрился всю свою жизнь на островѣ Албіонѣ препроводить. Но сей нещастной поцѣлуй, данной Принцессою его Королю Египетскому, не оставлялъ ему столько свободнѣйши разума,

ума, чтобЪ учиться высокимЪ наукамЪ.

Я вамЪ признаюсь, сказалЪ онЪ, что наложа себѣ законЪ ѣздить по свѣту и убѣгать отЪ самаго себя, былЪ бы я любопытенЪ, чтобЪ видѣть сію древнюю землю Сатурнову. Сей народЪ Тибрскій и Семигорскій, коему вы напредь сего подвластны были, конечно надобно думать, что онЪ былЪ первой народЪ на землѣ. Я вамЪ совѣтую предпріять сіе путешествіе, отвѣчалЪ ему Албіонянинъ, естьли вы хотя мало любите музыку и рисовальное искусство. Мы весьма часто и сами туда для препровожденія нашей скуки ѣздимЪ; но вы весьма удивитесь, увидя потомковЪ нашихЪ побѣдителей.

Сей разговорЪ долго продолжался. Хотя прекрасный АмацанЪ былЪ нѣсколько и смущенЪ, однако говорилЪ сЪ такою пріятностію, голосЪ его толь былЪ нѣженЪ, видЪ его толь благороденЪ и умиленЪ, что госпожа дому не могла оставить, чтобЪ сЪ нимЪ наединѣ не

говоритъ. Разговаривая съ нимъ, жала она ему нѣжнымъ образомъ руку, смотря на него прелестнымъ и быстрымъ взоромъ, наполняющимъ всѣ ея чувства чрезвычайнымъ желаніемъ. Она удержала его ужинать и ночевать. Каждая минута, каждое слово, каждой взоръ возжигали ея страсть. Какъ всѣ разъѣхались, то написала она къ нему письмецо, не сомнѣваясь, чтобъ онъ не пришелъ къ ней на постелю, между тѣмъ, какъ *Милордъ Безпечной* спалъ на своей. Амаданъ имѣлъ еще столько крѣпости сему возпротивиться; толь удивительныя дѣйствія производитъ вкоренившееся дурачество въ сильномъ и весьма тронутомъ духѣ.

Амаданъ по обыкновенію своему сдѣлалъ сей Дамѣ почтительной отвѣтъ, въ которомъ изъяснилъ онъ ей ненарушимость своей клятвы и непремѣнную должность, чтобъ доказать Принцессѣ Вавилонской, коль легко можно обладать своими страстьми; потомъ велѣлъ онъ заложить единороговъ, и поѣхалъ назадъ въ

Батавію, оставя все собраніе въ превеликомъ о себѣ удивленіи, а госпожу дома въ отчаяніи. Въ чрезвычайной своей печали обронила она письмо Амазаново. *Милордъ Безпечной* прочелъ оное на другой день поутру. Вотъ, сказалъ онъ, пожавъ плечами, какія нелѣпыя дурачества! И поѣхалъ на охоту за лисицами съ пьянюгами, живущими въ его сосѣдствѣ.

Амазанъ разъѣзжалъ уже по морю, будучи снабдѣнъ Географическою картою, коею его подарилъ ученой Албіонецъ, разговаривавшій съ нимъ у *Милорда Безпечнаго*. Онъ съ удивленіемъ видѣлъ большую часть земли на листѣ бумаги.

Глаза его и совоображеніе заблуждались въ семъ маломъ мѣстѣ. Онъ смотрѣлъ на Рейнъ, Двину, Алпійскія горы въ Тиролѣ, означенныя тогда другими именами, и на всѣ земли, чрезъ которыя долженъ былъ ѣхать до пріѣзда своего въ городъ Семигорскій; а особливо обращалъ онъ свой взоръ на страну Гангаридскую; на Вавилонъ, гдѣ онъ видѣлъ

любезную свою Принцессу, и на нещастную землю Бассорскую, въ которой она Короля Египетскаго поцѣловала. Онъ воздыхалъ, проливалъ слезы; но признавался, что Албіонянинъ, подарившій его цѣлымъ свѣтомъ, въ такой краткости изображеннымъ, говорилъ справедливо, что люди, обитающіе на берегахъ Темзы, гораздо были ученѣе живущихъ на Нильскихъ, Евфратскихъ и Гангскихъ берегахъ.

Когда онъ возвращался въ Батавію, Формозанта поспѣшала на двухъ своихъ корабляхъ, распустя всѣ парусы, къ Албіону. Корабли Амазановъ и Принцессинъ повстрѣчались, и почти одинъ съ другимъ столкнулись. Оба любовники были другъ отъ друга близко, а совсѣмъ о томъ не думали. Ахъ! естьли бы они то знали! но властная судьба не дозволила.

§ 9.

Какъ скоро Амазанъ сошелъ на равную и грязную землю Батавскую, то тотчасъ поѣхалъ въ городъ Семигорскій. Должно было проѣхать полу-

полуденную часть Германіи. Въ разстояніи каждыхъ четырехъ миль находилъ онъ Принца и Принцессу, придворныхъ Фрейлинъ и нищихъ. Онъ чрезвычайно удивлялся объявленіямъ любви, дѣлаемымъ ему вездѣ отъ придворныхъ Дамъ и Фрейлинъ по откровенности Германской, на которыя отвѣтствовалъ только благопристойными отказами. Проѣхавъ Алпійскія горы, поѣхалъ онъ на кораблѣ по Далматскому морю, и присталъ къ городу, которой ни мало непохожъ былъ на то, что онъ прежде видалъ. Море дѣлало улицы, а домы построены были на водахъ. Малое число публичныхъ мѣстъ, украшающихъ сей городъ, наполнены были мущинами и женщинами, имѣющими двойныя лица: то, коимъ ихъ натура одарила, и сдѣланное изъ полотна, весьма дурно разрисованное, которое они сверьхъ натуральнаго надѣвали, такъ что народъ казался быть составленъ изъ чудовищъ. Иностранные, пріѣзжающіе въ сію землю, прежде всего покупали сіи

лица, какЪ вЪ прочихЪ мѣстахЪ снабдѣваютЪ себя шапками и башмаками. АмацанЪ презрѣлЪ сей противной естеству обычай, и показался таковЪ, каковЪ онЪ былЪ. ВЪ городѣ было двенатцать тысячь дѣвушекЪ, записанныхЪ вЪ большой книгѣ Республики полезныхЪ государству, отправляющихЪ наиприбыточнѣйшій и пріятнѣйшій торгЪ, какой только обогащалЪ народЪ. Простые купцы посылали сЪ великимЪ коштомЪ и страхомЪ товары свои вЪ восточныя страны; а сіи прекрасныя торговки безЪ всякаго страха производили торгЪ всегда возобновляющійся отЪ ихЪ прелестей. Онѣ всѣ пришли предЪ Амацана, и предлагали ему, которую изЪ нихЪ изберетЪ. ОнЪ убѣжалЪ отЪ нихЪ вЪ самой скорости, проговаривая имя несравненной красоты Принцессы Вавилонской, и клянясь безсмертными богами, что она гораздо прекраснѣе всѣхЪ двенатцати тысячь ВенеціянскихЪ дѣвушекЪ. О ты непостоянная! вскричалЪ онЪ вЪ своемЪ восхищеніи,

нiи, я тебя научу, какъ быть вѣрною.

Наконецъ желтыя воды Тибрскiя, вонючiя болота, жители блѣдные, худощавые, малочисленные и покрытые старыми дыроватыми епанчами, чрезъ которыя можно было видѣть сухую и черную ихъ кожу, представились его глазамъ и дали ему знать, что онъ у воротъ города Семи Горъ, сего города воиновъ и законодателей, завладѣвшихъ и поправившихъ большую часть земнаго шара.

Онъ воображалъ себѣ, что у трiумфальныхъ воротъ увидитъ пять сотъ баталiоновъ подъ командою воиновъ, а въ Сенатѣ собранiе полубоговъ, дающихъ законы въ сей землѣ; но напротивъ того нашелъ, что всю армiю составляли около тритцати человѣкъ самобѣднѣйшихъ людей, стоящихъ на караулѣ съ подсолнешниками для защищенiя отъ солнца. Дошедъ далѣе до храма, показавшагося ему весьма изряднымъ, но хуже Вавилонскаго, весьма онъ удивился, услыша въ ономъ

музыку, производимую мущинами, имѣющими женскіе голоса.

Вотъ, сказалъ онъ, какая веселая древняя Сатурнова земля. Я видѣлъ городъ, въ которомъ никто не имѣлъ своего лица, а теперь вижу другой, въ коемъ мущины не имѣютъ своихъ ни голоса, ни бороды. Сказали ему, что сіи пѣвцы не дѣйствительные мущины; они лишены своего мужества, чтобъ пріятнѣе пѣли похвалы превеликаго множества людей достойныхъ. Амаданъ не понималъ ничего, что ему пересказывали. Сіи господа просили его, чтобъ онъ запѣлъ; и такъ началъ онъ пѣть арію Гангаридскую съ обыкновенною своею пріятностію. Голосъ его былъ самой чистой альтъ. Ахъ, государь мой! сказали они ему: какой бы прелестной сопрано вы имѣли! ахъ! естьли — Какъ естьли? что вы чрезъ то разумѣете? — Ахъ! государь мой! — Ну! — Естьли бы вы не имѣли бороды. По томъ изъяснили они ему весьма веселымъ образомъ и по обыкновенію своему съ тѣлодвиженіями комедіянтскими,

о чемъ была рѣчь. Амацанъ весьма задумался. Я путешествовалъ, сказалъ онъ, а никогда не слыхивалъ о такомъ дурачествѣ.

По довольномъ пѣніи показался старикъ Семигорской, идущій въ многочисленномъ провожаніи ко дверямъ храма; онъ просѣкалъ воздухъ крестъ на крестъ пальцами своими, поднявъ два большіе къ верьху, а другіе приложа, и притомъ произнося на такомъ языкѣ, какимъ уже больше не говорятъ, сіи слова: *городу и всему свѣту* (*). Гангаридъ не понималъ, какъ сіи два пальца толь далеко доставать могутъ.

Вскорѣ по томъ увидѣлъ онъ весь придворной штатъ господина свѣта, мимо себя идущій; оной состоялъ изъ особъ важнаго вида. Одни одѣты были въ красныя, а другія въ фіолетовыя платья. Почти всѣ пріятнымъ взоромъ смотрѣли на прекраснаго Амацана, кланялись ему и говорили другъ другу:

(*) Urbi et orbi.

гу: *San Martino, che bel' ragazzo! san Pancratio, che bel' fanciullo!*

Красные, коихъ должность состояла въ томъ, чтобъ показывать иностраннымъ любопытства достойное въ городѣ, старались показать ему развалины древнихъ стѣнъ, въ которыхъ бы и пастухъ муловъ не хотѣлъ препроводить ночи; однако оныя были достойные знаки великости знатнѣйшаго на свѣтѣ народа. Онъ видѣлъ еще картины двухсотлѣтнія и статуи, коимъ было больше дватцати вѣковъ, и которыя ему несравненнаго искусства показались. Дѣлаете ли вы еще такую работу? — Нѣтъ, ваше превосходительство! отвѣчалъ ему одинъ красной; но мы пренебрегаемъ всѣми на землѣ, потому что сохраняемъ сіи рѣдкости. Мы подобно ветошникамъ, получаемъ нашу славу отъ старыхъ платьевъ, хранящихся въ нашихъ лавкахъ.

Амацанъ желалъ видѣть дворецъ, куда его и проводили. Представились ему тамъ люди въ фіолетовомъ платьѣ, считающіе государ-

ственные доходы, собираемые съ земель поселенныхъ на Двинѣ, на Луарѣ, на Гвадалквивирѣ и на Вислѣ. Такъ-то, сказалъ Амацанъ, посмотря на свою Географическую карту, Государь вашъ обладаетъ всею Европою, какъ и древніе воины Семигорскіе? Онъ долженъ обладать и всемъ свѣтомъ по праву Божественному, отвѣчалъ ему одинъ изъ одѣтыхъ въ фіолетовомъ платьѣ: да и было время, въ которое его предки приближались ко всеобщей Монархіи; но потомки ихъ нынѣ изволятъ только довольствоваться нѣкоторымъ числомъ денегъ, кои Короли, ихъ подданные, платятъ имъ на подобіе дани.

И такъ Государь вашъ, сказалъ Амацанъ, не иначе почитается, какъ Король Королей; я думаю, что сей настоящій его титулъ? Нѣтъ, ваше превосходительство! титулъ его *слуга слугъ*; онъ по происхожденію своему рыбакъ и привортникъ; и для того знаки его достоинства состоятъ въ ключахъ и сѣтяхъ; но онъ повелѣваетъ

всѣми

всѣми Королями. Недавно послалъ онъ сто и одно повелѣніе Королю земли Целтской, и Король послушалъ.

Рыбакъ вашъ безъ сомнѣнія, сказалъ Амацанъ, послалъ притомъ пять, или шесть сотъ тысячь человѣкъ, чтобъ заставить исполнить свои сто и одно повелѣнія.

Нѣтъ, ваше превосходительство! нашъ святой повелитель не столь богатъ, чтобъ могъ содержать и десять тысячь солдатъ; но онъ имѣетъ отъ четырехъ до пяти сотъ тысячь Божіихъ Пророковъ, разпредѣленныхъ по другимъ землямъ. Сіи Пророки въ одеждахъ разныхъ цвѣтовъ, содержатся по справедливости на коштѣ народномъ; они предвѣщаютъ именемъ небеснымъ, что Государь мой можетъ ключами своими отпирать и запирать всѣ замки, а особливо крѣпкихъ сундуковъ. Нормандскій попъ, будучи у Короля, о которомъ я вамъ говорю, въ великой довѣренности, уговорилъ его, что должно ему безмолвно повиноваться сту и одному повелѣнію моего Го-

Государя. Надобно вамъ знать, что одно изъ преимуществъ Семигорскаго старика состоитъ въ томъ, что онъ всегда имѣетъ право, хотя бы удостоивалъ съ кѣмъ говорить, или къ кому писать.

Вотъ какой отмѣнной человѣкъ! сказалъ Амацанъ: я бы любопытенъ былъ съ нимъ обѣдать. — Ваше превосходительство! хотя бы вы были и Король, то бы не могли съ нимъ кушать за однимъ столомъ; онъ бы больше для васъ не сдѣлалъ, какъ посадилъ бы васъ за столъ по сторону себя, которой былъ бы гораздо меньше и ниже его стола. Но естьли вы хотите имѣть честь съ нимъ говорить, то я изпрошу у него вамъ аудіенцію посредствомъ *буона манціа*, которую мнѣ пожалуете. Весьма охотно, сказалъ Гангаридъ. Фіолетъ ему поклонился. Я васъ завтра введу, сказалъ онъ; вы сдѣлаете три колѣнопреклоненія, и поцѣлуете ноги старика Семигорскаго. При сихъ словахъ Амацанъ надсѣлся было со смѣху. Онъ вышелъ, державъ себя

за

за бока, и смѣялся до слезъ во всю дорогу, пока дошелъ до своего трактира, гдѣ онъ еще весьма долго смѣялся.

Во время его обѣда двадцать человѣкъ безъ бородъ и двадцать скрипачей играли концертъ. Остатокъ дня былъ онъ посѣщаемъ знатными господами въ городѣ; они предлагали ему дѣла гораздо чуднѣе цѣлованія ногъ старика Семигорскаго. Какъ онъ былъ чрезвычайно учтивъ, то подумалъ тотчасъ, что сіи господа почли его за даму, и такъ старался ихъ съ большею осторожностію и честностію вывесть изъ сомнѣнія. Но будучи принуждаемъ нѣсколько горячо двумя, или тремя наиотважнѣйшими фіолетами, выбросилъ онъ ихъ изъ окошка, не надѣясь чрезъ то сдѣлать большую жертву прекрасной Формозантѣ. Онъ въ самой скорости оставилъ сей городъ господъ свѣта, гдѣ должно было цѣловать ногу старику, какъ будто бы на оной была его щека, и гдѣ съ молодыми людьми обходились весьма чуднымъ образомъ.

§ 10.

Сей примѣръ постоянства, странствуя по разнымъ землямъ, и простивясь навсегда всѣмъ ставимымъ ему любовнымъ сѣтямъ, въ безпрестанной вѣрности къ Принцессѣ Вавилонской, а напротивъ того въ неутолимомъ сердцѣ противъ Короля Египетскаго, пріѣхалъ въ новую столицу Галловъ. Сей городъ, также какъ и многіе другіе, прошелъ всѣ степени варварства, невѣжества, глупости и бѣдности. Первое его имя было грязь и дрязгъ; по томъ принялъ онъ имя Изисы, отъ служенія Изисѣ до него. Первой его Сенатъ составлялъ собраніе корабельщиковъ. Онъ былъ долгое время невольникъ воиновъ, грабителей Семигорскихъ, и чрезъ нѣсколько вѣковъ послѣ того другіе воины разбойники, пришедъ съ той стороны Рейнскаго берега, овладѣли его землею.

Время, перемѣняющее все, сдѣлало изъ него такой городъ, котораго половина была весьма благородна и пріятна, а другая нѣсколько груба

и смѣшна. Сіе было изображеніе его жителей. Въ немъ было по крайней мѣрѣ близъ ста тысячь человѣкъ, не имѣющихъ инаго дѣла, какъ только играть и веселиться. Сей праздной народъ разсуждалъ о искусствахъ, въ которыхъ другіе упражнялись. Они не знали ничего, что при дворѣ дѣлается, хотя оной былъ отъ нихъ разстояніемъ только четыре малыхъ мили, а имъ они казались по крайней мѣрѣ за шесть сотъ миль. Пріятность общества, веселость, праздность были ихъ важныя и единственныя дѣла, управляли ими какъ дѣтьми, которымъ даютъ множество игрушекъ, чтобъ ихъ отъ крику удержать. Естьли говорили о жестокости, съ какою, два вѣка тому назадъ, разорено было ихъ отечество, и о ужасныхъ временахъ, въ которыя половина народа порубили другую изъ одного только предубѣжденія: то они на то отвѣчали, что въ самомъ дѣлѣ сіе было нехорошо, а по томъ опять начинали смѣяться и пѣть уличныя пѣсни.

Чѣмъ

Чѣмъ учтивѣе, веселѣе и любезнѣе были праздные, тѣмъ больше примѣчалось между ими и собраніями упражненныхъ людей жалостнаго несогласія.

Между сими упражненными, или почитающими себя за такихъ, была толпа темныхъ, частію глупыхъ, частію великихъ лукавцовъ, коихъ одинъ только взоръ опечаливалъ землю, и которые бы ее, естьли бы могли, совсѣмъ переворотили, чтобъ привесть себя не много въ знать. Народъ праздныхъ прогонялъ ихъ пляскою своею и пѣніемъ въ ихъ пещеры, какъ птицы принуждаютъ совъ прятаться въ разсѣлины развалившихся стѣнъ.

Другіе упражненные въ гораздо меньшемъ числѣ были сохранители древнихъ обыкновеній варварскихъ, противъ коихъ устрашенное естество громкимъ голосомъ вопіяло; они совѣтовали только съ своими реэстрами, червями источенными. Естьли они въ нихъ усматривали обыкновеніе несмысленное и ужасное, то почитали оное за святой

законъ. Отъ сего-то подлаго обыкновенія, когда они не смѣли вольно думать, а почерпали свои понятія изъ остатковъ тѣхъ временъ, въ которыя ничего не думали, произошли въ самомъ веселомъ городѣ жестокіе обычаи. По сей-то причинѣ не было никакого размѣра между преступленіями и наказаніями. Осуждали иногда невиннаго на несноснѣйшія мученія, чтобъ признался въ преступленіи, котораго совсѣмъ не дѣлалъ.

Наказывали за несмысленную продерзость юности столько же, какъ и за отравленіе ядомъ, или убійство родителей. Праздные произносили великой крикъ, а на другой день больше о томъ и не думали, а говорили только о новыхъ модахъ.

Въ глазахъ сего народа протекъ цѣлой вѣкъ, во время котораго искусства достигли до такого степени совершенства, какого никогда надѣяться не осмѣливались; тогда пріѣжжали иностранные какъ въ Вавилонъ, чтобъ удивлялись великимъ

жимъ монументамъ Архитектуры; удивительнымъ садамъ, превосходному искусству рѣзному и рисовальному; они чрезвычайно плѣнялись музыкою, которая трогала сердце, не обезпокоивая слуха.

Истинное стихотворство, то есть естественное и согласное, чувствительное столько же сердцу, какъ и разуму, стало извѣстно народу въ семъ только щастливомъ вѣкѣ. Новые роды краснорѣчія изъявляли красоты превосходныя. Особливо театры чрезвычайнымъ своимъ искусствомъ толь прославились, что никакой народъ имъ подобныхъ никогда не производилъ; наконецъ оказался хорошій вкусъ и во всѣхъ ремеслахъ, такъ что и у Друидовъ сдѣлались хорошіе писатели.

Такіе лавры, вознесшіеся до облаковъ, засохли опять скоро въ истощенной землѣ. Ихъ осталось только весьма мало, но и оныхъ зеленые листья совсѣмъ пожелтѣли и помертвѣли. Упадокъ сдѣлался отъ того, что трудъ стали почитать за легкой, и лѣнились сдѣ-

лать хорошее, наскучивЪ уже хорошимЪ, а плѣнясь совсѣмЪ страннымЪ. Тщеславіе стало защищать художниковЪ, которые опять ввели времена варварства; и сіе-то самое тщеславіе, изгнавЪ истинныя достоинства, принудило ихЪ оставить свое отечество, оводЪ прогналЪ пчелЪ.

Не стало уже почти больше истинныхЪ искусствЪ и естественнаго понятія. Все искусство состояло вЪ томЪ, чтобЪ безумно разсуждать о достоинствахЪ прошедшаго вѣка; маратель стѣнЪ питейнаго дому опорочивалЪ, какЪ ученой человѣкЪ, картины великихЪ рисовальныхЪ мастеровЪ, маратели бумаги превращали дѣла великихЪ писателей. Невѣжество и дурной вкусЪ имѣли еще другихЪ марателей на своемЪ содержаніи, повторяли тѣ же самыя дѣла во стѣ фоліантахЪ подЪ разными титулами. Все было либо лексиконЪ, или пустые недѣльные листочки. Писатель газетЪ изЪ ДруидовЪ писалЪ два раза вЪ недѣлѣ

тем-

темныя лѣтописи о нѣкакихъ обладаемыхъ діяволомъ, совсѣмъ народу неизвѣстныхъ, и о чудесахъ небесныхъ, производимыхъ въ углу подъ крышкою малыми нищими и нищенькими. Другіе, изключенные изъ Друидовъ, одѣтые въ черное платье, будучи при смерти отъ сердца и голода, жаловались во стѣ сочиненіяхъ, что имъ больше не позволяли обманывать людей, оставляли сіе право козламъ, одѣтымъ въ сѣрое платье. Нѣкоторые Архидруиды печатали и пасквили.

Амацанъ ничего того не зналъ; а хотя бы и зналъ, однако бы то его не обезпокоивало; потому что имѣлъ голову наполненную мыслями о Принцессѣ Вавилонской, о Королѣ Египетскомъ и о ненарушимой своей клятвѣ, чтобъ презирать всѣ любовныя обхожденія съ Дамами, въ какую бы землю печаль его ни привела.

Вся подлость легкомысленная, глупая и приводящая до крайности сродное людямъ любопытство, долго собравшись, стояла около его

единороговъ. Женщины, будучи гораздо умнѣе, вошли силою въ двери, чтобъ на него самаго посмотрѣть.

Сначала оказалъ онъ своему хозяину желанiе быть во дворцѣ; но праздные хорошаго общества, случившiеся тутъ нечаяннымъ образомъ, сказали ему, что нынѣ уже то не въ обычаѣ, что времена весьма перемѣнились, и нѣтъ больше увеселенiя, какъ въ городѣ. Того же вечера просила его къ себѣ ужинать одна Дама, которой разумъ и дарованiя внѣ ея отечества были извѣстны. Она бывала въ нѣкоторыхъ земляхъ, чрезъ кои Амацанъ проѣхалъ. Сiя Дама и бывшее у нее собранiе весьма ему понравились. Вольность тамъ была благопристойная, веселость безъ шуму, наука безъ отвращенiя и разумъ безъ высокопарности. Онъ увидѣлъ, что имя хорошаго собранiя не пустое названiе, хотя оно часто и пренебрегаемо бываетъ. На другой день обѣдалъ онъ въ обществѣ не меньше прiятномъ, но больше роскошномъ. Чѣмъ довольнѣе

нѣе онъ былъ гостьми, тѣмъ больше имъ были довольны. Духъ его началъ уже смягчаться и таять такъ, какъ ароматы его земли разпускаются по немногу на умѣренномъ огнѣ и производятъ пріятной запахъ.

Послѣ обѣда повели его на прелестное позорище, проклятое Друидами, потому что оно лишало ихъ слушателей весьма для нихъ нужныхъ. Сіе позорище состояло изъ пріятныхъ стиховъ, изъ прелестнаго пѣнія, танцованія, изъявляющаго движенія души, и изъ проспектовъ, увеселяющихъ глаза, обманывая притомъ оные. Сей родъ увеселенія, содержащій въ себѣ множество другихъ, былъ только извѣстенъ подъ иностраннымъименемъ; онъ назывался *оперою*, что напредь сего значило на языкѣ Семи Горъ: работа, попеченіе, упражненіе, прилѣжность, предпріятіе, трудъ, дѣло. Сіе-то дѣло его плѣнило, особливо одна дѣвица тронула его пріятнымъ своимъ голосомъ и прелестнымъ видомъ,

съ онымъ сопряженнымъ; сія дѣвушка представлена ему была послѣ позорища новыми его пріятелями. Онъ подарилъ ей горсть алмазовъ. Она за то столь была благодарна, что во весь день отъ него не отошла. Онъ съ нею ужиналъ, и во время стола забылъ свою воздержность, а послѣ ужина забылъ и клятву, чтобъ быть всегда нечувствительнымъ противъ красоты и неупросимымъ при нѣжныхъ объявленіяхъ любви. Какой примѣръ слабости человѣческой!

Прекрасная Принцесса Вавилонская пріѣхала тогда съ Фениксомъ, съ придворною своею Дамою Ирлою, и съ двумя стами конницы Гангаридской на единорогахъ. Должно было довольно долго дожидаться, пока отперли городскія ворота. Она спросила тотчасъ: наипрекраснѣйшій, наихрабрѣйшій, наиразумнѣйшій и наивѣрнѣйшій изъ смертныхъ въ семъ ли еще городѣ? Правители онаго догадались, что она говоритъ о Амаданѣ, проводили ее въ нанимаемой

имъ

имъ домъ. Она вошла съ сердцемъ, трепещущимъ отъ любви, духъ ея пронзенъ былъ неизреченною радостію, что наконецъ увидитъ въ своемъ любовникѣ примѣръ постоянства. Ничто не препятствовало входу ея въ его покои; занавѣски были отдернуты; она увидѣла прекраснаго Амацана, спящаго въ объятіяхъ пригожей Брюнетки. Они оба имѣли весьма великую нужду въ покоѣ.

Формозанта произнесла жалостной стонъ, раздавшійся по всему дому, но оной не могъ разбудить ни ея брата, ни дѣвицы. Она безъ памяти упала на руки Ирлѣ. Какъ скоро опять опамятовалась, то вышла изъ сего несноснаго покоя съ печалію, смѣшенною съ великимъ гнѣвомъ. Ирла освѣдомилась, кто такова была сія молодая дѣвушка, препровождающая толь пріятно время съ прекраснымъ Амацаномъ. Ей сказали, что она была *театральная дѣвушка* весьма снисходительная, соединяющая съ прочими своими дарованіями и пріят-

ятность пѣнія. О праведное небо! о мощной Оросмадъ! вскричала прекрасная Принцесса Вавилонская, погруженная въ слезахъ, кѣмъ я измѣнена и для кого! И такъ тотъ, которой для меня отказывалъ толь многимъ Принцессамъ, мѣняетъ меня на негодную Гальскую театральную дѣвку! Нѣтъ, я не могу перенести сего поруганія.

Такъ-то, милостивая государыня! сказала ей Ирла, всѣ молодые люди въ цѣломъ свѣтѣ поступаютъ; хотя бы они были влюблены въ красоту, снизшедшую съ небесъ, однако въ состояніи въ иномъ случаѣ сдѣлать ей невѣрность самою подлою трактирною служанкою.

Я пропала, сказала Принцесса, я его во всю мою жизнь не увижу; поѣдемъ тотчасъ, велите закладывать единороговъ. Фениксъ просилъ ее, чтобъ по крайней мѣрѣ подождала, какъ Амацанъ проснется, и съ нею можетъ поговорить. Онъ того не достоинъ, сказала Принцесса: ты бы меня жестоко тѣмъ обидѣлъ; онъ бы подумалъ, что я тебя просила,

чтобъ

чтобЪ ему дѣлать выговоры, и что я хочу сЪ нимЪ примириться. Естьли ты меня любишь, то не присоединяй сего посрамленія кЪ посрамленію, которое онЪ мнѣ сдѣлалЪ. ФениксЪ, будучи сверьхЪ всего долженЪ жизнію своею дочери Короля Вавилонскаго, не могЪ ее ослушаться. Она поѣхала назадЪ со всею своею свитою. Куда мы поѣдемЪ, милостивая государыня? спросила ее Ирла. Я не знаю, отвѣчала Принцесса. Мы поѣдемЪ по первой дорогѣ, которая намЪ попадется, только бы мнѣ отЪ Амацана уѣхать, я буду тѣмЪ довольна. ФениксЪ, будучи умнѣе Формозанты, потому что былЪ безЪ страсти, утѣшалЪ ее дорогою, выговаривая ей со смиреніемЪ, что весьма жалко мучить себя за чужіе проступки, представляя ей притомЪ, что АмацанЪ оказалЪ ей много похвальныхЪ опытовЪ своей вѣрности, за которую она ему малое его забвеніе простить можётЪ; чтобЪ тотЪ былЪ праведной, которому бы милости Оросмадовой не

до-

доставало; что онъ будетъ впредь въ любви и въ добродѣтели тѣмъ постояннѣе; желаніе къ поправленію своей погрѣшности тѣмъ больше его возвыситъ, и она чрезъ то будетъ щастливѣе, что многія великія Принцессы прощали сему подобныя преступленія и были отъ того благополучны. Онъ представлялъ ей оному примѣры, и толь искусно умѣлъ разсказать, что Формозанта начала въ мыслях своихъ успокоиваться, и не желала толь скоро уѣхать; почитала, что единороги ея бѣжали весьма скоро; но не осмѣлилась возвратиться, будучи противоборствуема силонностію къ прощенію и желаніемъ, чтобъ показать свой гнѣвъ, любовію и тщеславіемъ. Она дала свободу бѣжать своимъ единорогамъ; и такъ ѣздила по свѣту, по предсказанію Оракула своего родителя.

Амаланъ проснувшись, услышалъ о пріѣздѣ и возвращеніи Формозанты и Феникса; пересказали ему объ отчаяніи и гнѣвѣ Принцессиномъ, и какъ она клялась, что его никогда

не

не проститЪ. МнѢ больше ничего не остается, вскричалЪ онЪ, какЪ Ѣхать за нею вЪ слѢдЪ, и умертвить себя у ея ногЪ.

Пріятели его изЪ хорошаго общества праздныхЪ прибѢжали на слухЪ, пронесшійся о семЪ приключеніи. Они всѢ представляли ему, чтобЪ несравненно лучше для него было, естьли бы онЪ у нихЪ жить остался; ничто не можетЪ, говорили они, сравниться сЪ пріятною жизнію, которую они ведутЪ посреди искусствЪ и покойной и нѢжной роскоши. Множество иностранныхЪ, да и сами Короли предпочитали сей покой толь пріятно употребленной и толь плѢняющій своему отечеству и престолу. СверьхЪ того карета его изломана, и каретникЪ дѢлаетЪ ему новую по новой модѢ, а наилучшій портной вЪ городѢ скроилЪ уже ему дюжину платья по самому новому вкусу. Веселыя и любезныя Дамы вЪ городѢ, у которыхЪ весьма изрядно играютЪ комедіи, назначили каждая день, чтобЪ дѢлать для него

праз-

празднество. Дѣвка между тѣмъ пила шоколадъ, сидя за уборнымъ столикомъ, смѣялась, пѣла и дѣлала всякія ласкательства прекрасному Амацану, которой наконецъ узналъ, что у нее не больше было смысла, какъ у гуся.

Какъ искренность, чистосердечіе, откровенность, также какъ великодушіе и мужество, составляли нравъ сего великаго Принца: то разсказалъ онъ начатія и путешествія своимъ пріятелямъ. Они знали, что онъ былъ Принцессѣ братъ двоюродной, и были притомъ свѣдомы и о нещастномъ поцѣлуѣ, данномъ ею Королю Египетскому. И такъ сказали ему, что такіе малые проступки между свойственниками простительны; въ противномъ же случаѣ должно было быть въ безпрестанныхъ ссорахъ. Ничто не отвратило его намѣренія, чтобъ ѣхать за Формозантою, но карета его была еще не готова; и такъ принужденъ онъ былъ препроводить три дни между сими праздными въ безпрестанныхъ празднествахъ и веселіяхъ.

ліяхъ. Наконецъ простился онъ съ ними, обнявъ ихъ, подаря имъ наилучшихъ алмазовъ своей земли, и совѣтуя, чтобъ себя сдѣлать тѣмъ любезнѣе и щастливѣе. Германцы, сказалъ онъ, старики въ Европѣ, Албіонскіе жители люди возмужалые, жители Гальскіе дѣти, и я люблю съ ними играть.

§. 11.

Проводники его не имѣли труда ѣхать въ слѣдъ за Принцессою; потому что вездѣ объ ней и о большой ея птицѣ говорили. Всѣ жители наполнены еще были чрезвычайнымъ удивленіемъ. Народы Далматскіе и Маркъ-Анконскіе не столь много дивились; по томъ, видя по воздуху летающій домъ, брега Луарскіе, Дордонскіе, Гаронскіе и Гиройскіе, произносили еще радостныя восклицанія.

Какъ Амаzанъ приближился къ Пиринейскимъ горамъ, то правители земли и Друиды принудили его противъ воли протанцовать минуэтъ, называемой на ихъ языкѣ тамбуринъ; проѣхавъ же Пиринейскія

скія горы, не видалъ уже онъ больше веселія и радости; хотя иногда и слышалъ вдали пѣніе пѣсенъ, но оныя были всѣ жалкимъ голосомъ: жители важнымъ образомъ ходили съ нацѣпленными шариками, подпоясанные палашами. Народъ, одѣтой въ черное платье, казался быть въ троурѣ. Естьли служители Амазановы спрашивали о проѣзжающихъ, то оные отвѣчали имъ только знаками. Когда же входили въ трактиръ, то хозяинъ изъяснялъ имъ только въ трехъ словахъ, что въ домѣ ничего нѣтъ; а должно, естьли что скоро надобно, искать за нѣсколько миль.

Когда у сихъ безмолвныхъ спрашивали, не видали ли они проѣзжающей Принцессы Вавилонской? то отвѣчали они на то нѣсколько обстоятельнѣе: мы ее видѣли, она не такъ хороша; нѣтъ ничего прекраснѣе, какъ отъ солнца загорѣлыхъ лицъ: она выставливаетъ грудь, бѣлизною подобную алебастру; но оная вещь на свѣтѣ

маи-

наипротивнѣйшая, чего въ нашихъ странахъ почти совсѣмъ не знаютъ.

Амацанъ приближился къ провинціи, чрезъ которую рѣка Бетисъ протекаетъ. Не прошло еще двенатцати тысячъ лѣтъ, какъ сія земля найдена Тиріянами въ самое время, какъ они открыли великой островъ Атлантической, спустя нѣсколько вѣковъ послѣ того потонувшій. Тиріяне обработывали землю Бетискую, которую природные жители оставили впустѣ, воображая себѣ, что имъ ни во что мѣшаться не должно, а надобно Галламъ, сосѣдямъ ихъ, работать земли. Тиріяне привезли съ собою Палестиновъ, которые съ того времени бѣгали по всѣмъ странамъ, гдѣ бы только достать себѣ денегъ. Сіи Палестины, отдавая оныя въ ростъ по пятидесяти на сто, завладѣли почти всѣми богатствами земли. Сіе подало народу Бетискому причину думать, что Палестины колдуны; и всѣ обвиненные въ колдовствѣ сожигались безъ милосердія нѣкоторымъ

 обще-

обществомъ Друидовъ, называемыхъ изслѣдователями, или Антропокайями (*). Сіи попы тотчасъ надѣвали на нихъ платья маскерадныя, захватывали всѣ ихъ имѣнія и читали съ благоговѣніемъ свои природныя Палестинскія молитвы между тѣмъ, какъ тѣхъ изъ любви къ богамъ (*por l'amor de Dios*) на небольшомъ огнѣ жарили.

Принцесса Вавилонская остановилась въ городѣ, названномъ потомъ Севилла. Намѣреніе ея было, чтобъ въ Бетисѣ сѣсть на корабль и возвратиться чрезъ Тиръ въ Вавилонъ, гдѣ увидѣться опять съ Королемъ Белусомъ, своимъ родителемъ, и забыть, естьли можно, невѣрнаго своего любовника, или по крайней мѣрѣ просить его себѣ въ мужа. Она велѣла позвать къ себѣ двухъ Палестиновъ, исправляющихъ всѣ придворныя дѣла. Они должны были ей достать три корабля. Фениксъ сдѣлалъ съ ними всѣ надлежащія разпоряженія, и нѣ-

(*) Человѣкосожигатели.

нѣсколько поспоря, согласился въ цѣнѣ.

Хозяйка была весьма набожна, а мужъ ея не меньше, сверьхъ же того и фамиліяръ, то есть шпіонъ Друидовъ, изыскателей Антропокайевъ: онъ не оставилъ, чтобъ ихъ не увѣдомить, что у него въ домѣ есть колдунья и два Палестина, которые имѣютъ согласіе съ діяволомъ, превращеннымъ въ большую позолоченную птицу. Изыскатели провѣдавъ, что у Дамы было превеликое множество алмазовъ, почли ее тотчасъ за колдунью. Они дожидались только ночи, чтобъ запереть двѣсти человѣкъ конницы и единороговъ, которые спали въ большихъ конюшняхъ, потому что изыскатели трусы.

Заперши крѣпко ворота, овладѣли они Принцессою и Ирлою; Феникса же взять не могли: онъ тотчасъ улетѣлъ въ той надеждѣ, что увидитъ Амацана, ѣдущаго по дорогѣ изъ Галліи въ Севиллу.

Онъ повстрѣчался съ нимъ на границѣ Бетиской и разсказалъ ему о нещастіи Принцессиномъ. Амацанъ отъ жалости и досады не могъ ни слова выговорить. Тотчасъ надѣлъ на себя стальныя золотомъ оправленныя латы, взялъ копье въ двенатцать футовъ длиною, два праща и острой мечь, называемой *огненнымъ*, которымъ могъ однимъ махомъ разсѣкать деревья, каменья и Друидовъ пополамъ; онъ надѣлъ на голову шишакъ золотой съ перьями коршуновыми и штраусовыми. Сіе было древнее оружіе Магогово, которымъ сестра его Алдея подарила во время путешествія чрезъ Скиѳскую землю. Малое число людей, его провожающихъ, тотчасъ сѣли, какъ и онъ, каждой на своего единорога.

Амацанъ, обнявъ любезнаго своего Феникса, сказалъ ему только сіи жалостныя слова: я виноватъ! естьли бы я не спалъ *съ театральною дѣвкою* въ городѣ праздныхъ, то бы прекрасная Принцесса Вавилонская не была въ семъ ужасномъ

состоянiи. Поскачемъ поскорѣе къ Антропокайямъ. Тотчасъ прiѣхали въ Севиллу: тысяча пять сотъ алгвазиловъ караулили у дверей того мѣста, въ которомъ двѣсти Гангаридовъ съ единорогами своими были безъ пищи заперты. Все уже было приготовлено къ жертвѣ, которую надъ Принцессою Вавилонскою, надъ придворною ея Дамою Ирлою и надъ двумя богатыми Палестинами исполнять хотѣли.

Главной Антропокай, будучи окруженъ нижними Антропокайями, сидѣлъ уже на своемъ освященномъ судилищѣ; толпа Севилловъ, носящихъ нацѣпленные шарики на своихъ поясахъ, стояли сложа руки, и не говоря ни слова, Принцессу Вавилонскую, Ирлу и двухъ Палестиновъ, вели уже завязавъ руки назадъ и одѣтыхъ въ маскерадное платье.

Фениксъ пролетѣлъ сквозь кровельное окошко въ тюрьму, въ которой Гангариды начали уже проламывать двери. Непобѣдимой Амацанъ

цанъ ломалъ ихъ снаружи. Они вышли всѣ вооружены, сѣли на своихъ единороговъ. Амацанъ сталъ ими предводительствовать. Ему нетрудно было побѣдить Алгвазиловъ, фамиліяровъ, поповъ Антропокайевъ; каждой единорогъ побивалъ ихъ цѣлыя дюжины вдругъ. Амацанъ мечемъ своимъ разрубалъ надвое всѣхъ тѣхъ, которые ему попадались; народъ въ черныхъ епанчахъ и съ замаранными крагенами бѣжалъ, державъ въ рукахъ освященные свои шарики (*por l'amor de Dios*).

Амацанъ схватилъ своею рукою главнаго изыскателя на судилищѣ, и взбросилъ его на пріуготовленной въ сорокѣ шагахъ отъ него костеръ; онъ пометалъ на оной и нижнихъ изыскателей одного за другимъ, а самъ палъ къ ногамъ Формозанты. Ахъ! какъ вы любезны, сказала она, и какъ бы я васъ обожала, естьли бы вы не сдѣлали мнѣ невѣрности *театральною дѣвкою*.

Между тѣмъ, какъ Амацанъ примирялся съ Принцессою, а Гангариды

ды взваливали на костерЪ тѣла всѣхЪ Антропокайевъ, и пламя воздымалось до небесЪ, увидѣлЪ онЪ издали подобно армію, идущую кЪ себѣ. Престарѣлой МонархЪ, имѣя корону на главѣ, приближался на колесницѣ, везенной осьмію мулами, запряженныхЪ веревками; а сто другихЪ колесницЪ слѣдовали за нимЪ. Они были провожаемы важными особами вЪ черныхЪ епанчахЪ сЪ крагенами, ѣдущими верьхомЪ на весьма хорошихЪ лошадяхЪ; множество людей шли пѣшками молча, сЪ засалеными волосами.

АмацанЪ построилЪ тотчасЪ ГангаридовЪ, и выступалЪ, поднявЪ свое копье. КакЪ скоро Король его увидѣлЪ, то снялЪ онЪ свою корону, слѣзЪ сЪ колесницы, обнялЪ стремя Амацаново, и говорилЪ ему: человѣкЪ, посланной отЪ Бога! ты отмститель рода человѣческаго, избавитель моего отечества, мой защитникЪ! Сіи освященныя чудовища, отЪ которыхЪ вы очистили землю, были мои повелители, именемЪ старика Семи ГорЪ; я прину-

жденъ былъ сносить порочную ихъ власть. Народъ мой оставилъ бы меня, ежели бы я хотя мало захотѣлъ умѣрить ихъ ужасныя жестокости. Съ сего дня я ожилъ, царствую и вамъ онымъ долженъ.

По томъ поцѣловалъ онъ съ почтенiемъ руку у Формозанты, и просилъ ее съ Амацаномъ, Ирлою и съ Фениксомъ сѣсть въ его колесницу, запряженную осьмью мулами. Два Палестина, Банкиры придворные, лежащiе еще разпростерты на землѣ отъ ужаса и благодарности, встали; а конница на единорогахъ поѣхала за Королемъ Бетискимъ къ его дворцу.

Какъ достоинство Короля важнаго народа требовало, чтобъ мулы его шли тихо, то Амацанъ и Формозанта имѣли время разсказать ему свои приключенiя. Онъ разговаривалъ также и съ Фениксомъ, удивляяся ему и цѣловалъ его многократно. Онъ понималъ, сколь несмысленные скотски и звѣрски полночные народы, ѣдящiе звѣрей, и неразумѣющiе больше своего языка?

ка? Утверждалъ, что одни только Гангариды соблюли естество и главное достоинство человѣческое; но особливо признавался, что наибольшіе варвары изъ смертныхъ были изыскатели Антропокаи, отъ которыхъ Амацанъ очистилъ свѣтъ. Онъ не переставалъ его выхвалять и благодарить. Прекрасная Формозанта забывала уже о произшествіи Амацановомъ *съ театральною дѣвкою*, и мысли ея наполнены были только храбростію сего Героя, спасшаго ей жизнь. Амацанъ, будучи увѣдомленъ о невинности поцѣлуя, даннаго ею Королю Египетскому, и объ оживленіи Феникса, объятъ былъ истинною радостію и наполненъ весьма сильною любовію.

Обѣдали во дворцѣ, и столъ былъ довольно нехорошъ. Бетискіе повара были самые дурные въ Европѣ. Амацанъ совѣтовалъ, чтобъ привесть Гальскихъ. Музыканты Королевскіе во время стола играли славную арію, названную въ послѣдующіе вѣки дурачества Испанскія

скія (*Les folies d'Espagne*). Послѣ обѣда говорили о дѣлахъ.

Король спрашивалъ у прекрасныхъ Амацана, Формозанты и Феникса, что они начать думаютъ? Что до меня принадлежитъ, сказалъ Амацанъ, то я намѣренъ ѣхать въ Вавилонъ, котораго я ближній наслѣдникъ, и просить у дяди моего Белуса сестру мою двоюродную, несравненную Формозанту, себѣ въ супругу, естьли она не пожелаетъ со мною жить у Гангаридовъ.

Мое намѣреніе, сказала Принцесса, непремѣнное то, чтобъ никогда не разлучаться съ братомъ моимъ Амацаномъ, да и долгъ требуетъ, чтобъ я возвратилась къ Королю, моему родителю, потому что онъ мнѣ далъ позволеніе ѣхать только въ Бассору, а я объѣхала весь свѣтъ. Что до меня принадлежитъ, сказалъ Фениксъ, то я буду повсюду слѣдовать симъ нѣжнымъ и великодушнымъ любовникамъ.

Вы справедливо говорите, сказалъ Король Бетискій, но возвращеніе

ніе ваше въ Вавилонъ не такъ легко, какъ вы думаете. Я имѣю каждой день извѣстія съ кораблями Тирскими, и чрезъ моихъ Банкировъ Палестиновъ, которые со всѣми народами на свѣтѣ переписываются, что около Евфрата и Нила всѣ приняли оружіе. Король Скиѳскій требуетъ наслѣдства своей супруги съ тремя стами тысячами человѣкъ конницы. Короли Египетскій и Индѣйскій опустошаютъ брега Тигрскіе и Евфратскіе, каждой съ тремя стами тысячами человѣкъ, чтобъ отмстить за учиненное имъ посмѣяніе. Въ отсутствіежъ Короля Египетскаго Король Еѳіопскій разоряетъ Египетъ съ тремя же стами тысячами человѣкъ; а Король Вавилонскій не больше еще имѣетъ къ своему защищенію, какъ шесть сотъ тысячь человѣкъ.

Я вамъ признаюсь, продолжалъ Король, что когда услышу о сихъ преужасныхъ арміяхъ, которыя восточныя земли, такъ сказать, выбрасываютъ изъ своего нѣдра, и о

чрез-

чрезвычайномъ ихъ великолѣпiи: то, сравнивая ихъ съ нашими малыми корпусами, состоящими изъ дватцати, или тритцати тысячь человѣкъ солдатъ, коихъ толь трудно одѣть и содержать, покушаюсь думать, что восточныя страны гораздо прежде западныхъ сотворены. Кажется, какъ будто бы мы третьяго дня только вышли изъ ничего, а вчера изъ невѣжества.

Всемилостивѣйшiй Государь! сказалъ Амацанъ: пришедшiе послѣ побѣждаютъ иногда пришедшихъ на мѣсто прежде. Въ моей землѣ думаютъ, что человѣкъ произходитъ изъ Индiи, но я о томъ подлиннаго извѣстiя не имѣю.

А ты, сказалъ Король Бетискiй Фениксу, что о семъ думаешь? Всемилостивѣйшiй Государь! отвѣчалъ Фениксъ: я еще весьма молодъ, чтобъ мнѣ знать древности. Я жилъ только близъ дватцати семи тысячь лѣтъ; но отецъ мой, жившiй въ пять разъ больше сихъ лѣтъ, сказывалъ мнѣ, что онъ слыхалъ отъ своего отца, что восточныя

стра-

страны были всегда многолюднѣе и богатѣе другихъ. Предки его сказывали ему также, что начало рожденія всѣхъ звѣрей было на берегахъ Ганскихъ; что до меня принадлежитъ, то я не столько тщеславенъ, чтобъ быть сего мнѣнія. Я не могу повѣрить, чтобъ лисицы Албіонскія, сурки Алпійскіе и волки Гальскіе происходили изъ моей земли, такъ какъ я не вѣрю, чтобъ сосны и дубы вашихъ странъ имѣли свое произхожденіе отъ пальмовыхъ и кокосовыхъ деревъ Индѣйскихъ.

Но откуда же мы происходимъ? сказалъ Король. Я того совсѣмъ не знаю, отвѣчалъ Фениксъ, а хотѣлъ бы только вѣдать, куда прекрасная Принцесса Вавилонская и любезной мой другъ Амацанъ могутъ ѣхать. Я весьма сомнѣваюсь, сказалъ на то Король, чтобъ онъ могъ съ двумя стами своими единорогами пробиться чрезъ такія арміи, состоящія каждая изъ трехъ сотъ тысячь человѣкъ. Для чего не пройти? сказалъ Амацанъ.

Король

Король Бетиский примѣтилъ, съ какимъ важнымъ видомъ Амацанъ выговорилъ слово *для чего*? Но зналъ притомъ, что онаго противъ безчисленныхъ армій будетъ недовольно. Я вамъ совѣтую, сказалъ онъ, ѣхать къ Королю Еѳіопскому; съ симъ чернымъ Государемъ я въ союзѣ помощію моихъ Палестиновъ, и дамъ вамъ къ нему письма. Онъ, будучи непріятель Королю Египетскому, почтетъ себя весьма щасливымъ, когда чрезъ союзъ съ вами усилится. Я могу вамъ вспомоществовать двумя тысячами человѣкъ весьма трезвыми и храбрыми. Вы можете, когда хотите, принять въ службу вашу столько же у народовъ обитающихъ, или лучше сказать, скачущихъ на Пиринейскихъ горахъ, называемыхъ Васкерами, или Васконами. Пошлите туда одного изъ вашихъ воиновъ на единорогѣ съ нѣсколькими алмазами. Нѣтъ ни одного Васкона, которой бы для службы вашей не остановилъ замка, то есть, отцовскаго своего соломеннаго шалаша.

даша. Они неутомимы, храбры и забавны; и вы ими будете весьма довольны. Между тѣмъ, пока они прiѣдутъ, будемъ мы для васъ дѣлать празднества и приготовимъ вамъ корабли. Я вамъ не могу довольно изъявить благодарности за оказанную вами мнѣ услугу.

Амацанъ пользовался щастiемъ, что опять нашелъ Формозанту, и наслаждался въ обхожденiи съ нею въ тишинѣ всѣми прiятностями примиренной любви, которыя почти такую же имѣютъ силу, какъ и любви начальной.

Въ скоромъ времени появилась толпа бодрыхъ и веселыхъ Васконовъ, танцующихъ тамбуринъ; а другая храбрыхъ и важныхъ Бетисцовъ была уже въ готовности. Престарѣлой и смуглой Король обнялъ нѣжнымъ образомъ обоихъ любовниковъ: онъ велѣлъ нагрузить ихъ корабли оружiемъ, постелями, шахматными играми, черными платьями, крагенами, лукомъ, баранами, курицами, мукою и множествомъ чесноку, желая имъ благополучнаго переѣзда, непремѣнной любви и побѣдъ.

Флотъ присталъ къ берегу, на которомъ, сказываютъ, чрезъ множество вѣковъ послѣ того Венеціанская Дидона, сестра Пигмаліонова, супруга Сихеева, оставя городъ Тиръ, основала преславной городъ Карѳагену, разрѣзавъ бычачью кожу на ремни по свидѣтельству наиславнѣйшихъ писателей древности, которые никогда басенъ не сказывали, и Профессоровъ, кои писали для малыхъ дѣтей; хотя въ самомъ дѣлѣ никогда не бывало въ Тирѣ человѣка, называемаго Пигмаліонъ, или Дидонъ, или Сихеи, которыя имена настоящія Греческія, и въ сіе время въ Тирѣ и Короля совсѣмъ не было.

Гордая Карѳагена никогда не была приморскою гаванью; тамъ были только нѣкоторые Нумидіане, сушившіе на солнцѣ рыбу. Ѣхали мимо Бицацена и Сирты, плодоносныхъ береговъ, гдѣ были потомъ Сирена и великой Херсонесъ.

Наконецъ пріѣхали къ первому устью освященной рѣки Нила. На самомъ крайнемъ концѣ сей плодоносной земли принималъ уже Каноп-

ской

ской портъ корабли всѣхъ народовъ торгующихъ, не зная, Богъ ли Канопусъ основалъ сей портъ, или жители онаго сдѣлали сего Бога, ниже того, созвѣздіе Канопусъ дало свое имя городу, или городъ свое созвѣздіе: все извѣстіе объ ономъ состояло въ томъ, что городъ и созвѣздіе были весьма древни. И вотъ все, что можно знать о произхожденіи дѣлъ, какого бы свойства они ни были.

Тутъ-то Король Еѳіопскій, разоряющій весь Египетъ, увидѣлъ сшедшихъ съ корабля непобѣдимаго Амацана и прекрасную Формозанту. Одного почелъ онъ за Бога войны, а другую за Богиню красоты. Амацанъ подалъ ему препоручительное письмо отъ Короля Испанскаго. Король Еѳіопскій тотчасъ учредилъ удивительныя праздниства, слѣдуя непремѣнному обыкновенію военныхъ временъ. Потомъ говорили о предпріятомъ изгнаніи трехъ сотъ тысячь человѣкъ Императора Индѣйскаго и трехъ сотъ тысячь человѣкъ великаго Хана Скиѳскаго, осаждающихъ

препространной, гордой и роскошной городъ Вавилонъ.

Двѣ тысячи Испанцовъ, которыхъ Амацанъ привезъ съ собою, сказали, что имъ Король Еѳіопскій для помощи Вавилону не надобенъ; довольно, когда ихъ Государь приказалъ имъ оной освободить, то они и одни сіе повелѣніе исполнить могутъ.

Васконы сказали, что они бывали много разъ въ таковыхъ дѣлахъ, и такъ одни побьютъ Египтянъ, Индѣйцовъ и Скиѳовъ; съ Испанцамижъ, естьли пойдутъ, то съ такимъ договоромъ, чтобъ онымъ быть въ аріергардѣ.

Двѣсти Гангаридовъ зачали смѣяться требованіямъ ихъ союзниковъ, и утверждали, что только со стами единорогами обратятъ они въ бѣгъ всѣхъ Королей на землѣ. Прекрасная Формозанта усмирила ихъ разумными и пріятными своими разговорами. Амацанъ представилъ черному Монарху своихъ Гангаридовъ, единороговъ, Испанцовъ, Васконовъ и прекрасную свою птицу.

Все было въ готовности, чтобъ итти чрезъ Мемфисъ, Геліополъ,

Арси-

Арсиной, Петру, Артемиту, Сору, Апамею, атаковать трехъ Королей, и чтобъ начать сiю достопамятную войну, въ разсужденiи которой всѣ войны, бывшiя послѣ того между людьми, могутъ почесться за битву пѣтуховъ и перепелокъ.

Всякому извѣстно, какъ Король Ефiопскiй, влюбясь въ прекрасную Формозанту, ее на постелѣ захватилъ, во время то, когда сладкой сонъ затворилъ ея глаза. Можно припомнить, что Амацанъ, будучи свидѣтель сего позорища, почиталъ, что день и ночь спятъ вмѣстѣ. Не безъизвѣстножъ и то, что онъ, разсердясь за сiе поруганiе, выхватилъ тотчасъ свой мечь, отрубилъ дерзкую голову сего безстыднаго Ефiопа и выгналъ всѣхъ Ефiоповъ изъ Египта. Сiи удивленiя достойныя дѣла не писаны ли въ лѣтописяхъ Египетскихъ? Богиня славы повсюду возтрубила о побѣдахъ, которыя Амацанъ надъ тремя Королями съ Испанцами, Васконами и единорогами своими одержалъ. Онъ возвратилъ прекрасную Формозанту ея родителю, освобо-

дилъ всю свиту своей любовницы, содержанную Королемъ Египетскимъ въ неволѣ. Великій Ханъ Скиѳскій объявилъ себя его подданнымъ, и бракосочетаніе его съ Принцессою Алдеею было утверждено. Непобѣдимой и великодушной Амаданъ, будучи признанъ наслѣдникомъ королевства Вавилонскаго, вошелъ въ городъ въ тріумфѣ съ Фениксомъ, въ присутствіи ста Королей, его подданныхъ. Празднество брака его превозходило во всемъ дѣланное прежде Королемъ Белусомъ. На столѣ поставленъ былъ волъ Аписъ жареной. Короли Египетскій и Индѣйскій подавали двумъ новобрачнымъ пить; и сіе бракосочетаніе воспѣто было пятью стами великими стихотворцами Вавилонскими.

О Музы! которыхъ всегда призываютъ въ началѣ своего сочиненія, а я къ вамъ вопію на концѣ. Напрасно упрекаютъ меня, что я говорю, слава Богу, не сказавъ benedicite. Музы! вы не малыя мои будете въ томъ предстательницы, возпрепятствуйте, чтобъ смѣлые продолжатели не испортили баснями

ми своими справедливостей, кото-
рыя я смертнымЪ написалЪ вЪ семЪ
искреннемЪ разсказаніи такЪ, какЪ
они осмѣлились сдѣлать подложную
Кандиду, Ингену и непорочныя
приключенія чистой Еганны, ко-
торую изключенной изЪ Капуцын-
скаго ордена переобразилЪ чрезЪ
стихи, достойные КапуциновЪ, вЪ
изданія Батавскія. Да не сдѣла-
ютЪ они сей обиды моему типо-
графщику, обремененному многочи-
сленною фамиліею, которой едва
столько имѣетЪ, чтобЪ содержать
литтеры, бумагу и чернила.

О Музы! заставьте молчать не-
сноснаго Коге, Профессора Бавардер-
скаго вЪ Коллегіи Мацаринской, ко-
торой, будучи недоволенЪ нравоучи-
тельными разговорами Велисара и
Императора Юстиніана, писалЪ не-
годные пасквили противЪ сихЪ ве-
ликихЪ людей.

Положите кляпЪ вЪ ротЪ педан-
ту Лархеру, которой, не зная ни сло-
ва древняго языка Вавилонскаго, не
путешествуя, такЪ какЪ я, на брегахЪ
Евфрата и Тигра, былЪ столько без-
стыденЪ, и утверждалЪ, что пре-

красная Формозанта дочь наибольшаго Короля на свѣтѣ; Принцесса Алдея и всѣ Дамы сего почтеннаго двора ходили спать за деньги со всѣми конюхами Азіятскими въ большемъ храмѣ Вавилонскомъ по основанію закона. Сей своевольникъ ученаго собранія, вашъ и стыда непріятель, обвиняетъ прекрасныхъ Египтянокъ Мендескихъ, что они любили только козловъ, представляя себѣ тайнымъ образомъ чрезъ сей примѣръ сдѣлать нѣкоторое путешествіе въ Египтѣ, чтобъ имѣть наконецъ хорошія приключенія.

Какъ онъ противъ древняго не больше знаетъ и нынѣшняго, то включаетъ въ надеждѣ, чтобъ подбиться къ какой нибудь старухѣ, что наша несравненная Нинона, будучи осмидесяти лѣтъ, спала съ Гедуаномъ, Игуменомъ Академіи Француской, надписей и чистоты языка. Онъ никогда не слыхалъ о Игуменѣ Шатеневѣ, котораго онъ почитаетъ за Игумена Гедуана. Онъ не больше знаетъ Нинону, какъ и дѣвицъ Вавилонскихъ.

Музы,

Музы, дочери неба! непріятель вашъ Лархеръ еще больше дѣлаетъ. Онъ выхваляетъ мужеложство; онъ осмѣливается говорить, что всѣ Бамбины моей земли подвержены сему сраму. Онъ надѣется спастись тѣмъ, что умножилъ число преступниковъ.

Благородныя и чистыя Музы! вы имѣете отвращеніе равное отъ педанства, какъ и отъ мужеложства, защитите меня отъ учителя Лархера.

А ты, учитель Алиборонъ! говоритъ Фреронъ, напредь сего называемой Іезуитъ, ты, котораго Парнассъ то въ скукѣ, то на угольномъ кабакѣ; ты, которому отдавали толь великую справедливость на всѣхъ театрахъ Европы въ честной комедіи Шотландки; ты достойной сынъ попа де Фонтена, рожденной отъ любви его однимъ изъ сихъ дѣтей прекрасныхъ, которые носятъ желѣзо и перевязь какъ сынъ Венеринъ, и которые воздымаются такъ, какъ и она на воздухъ, хотя и никогда не проходятъ далѣе, какъ только до верьху печныхъ трубъ. Любезной мой

Алиборонъ, къ которому я всегда имѣлъ столь много любви, и которой меня заставилъ цѣлой мѣсяцъ смѣяться во время сей Щотландки! я тебѣ препоручаю мою Принцессу Вавилонскую; говори объ ней худо, чтобъ ее читали.

Я и тебя здѣсь не забуду, газетчикъ духовной! славной ораторъ обморочныхъ, отецъ церкви, основанной Игуменомъ Бехерандомъ и Абрагамомъ Шаменксомъ! не оставь сказать въ своихъ листахъ столь же набожныхъ, какъ краснорѣчныхъ и разумныхъ, что Принцесса Вавилонская еретикъ, деистъ и атеистъ. Старайся особливо побудить господина Риболлера, чтобъ заставить проклясть Принцессу Вавилонскую чрезъ Сорбонну: ты сдѣлаешь великое удовольствіе моему книгопродавцу, коему я для новаго года сію малую Исторію подарилъ.

ПИСЬМО
Архіепископа Канторбергскаго къ Архіепископу Парижскому.

Я получилъ, Милордъ! учрежденіе ваше противъ великаго Велисара, Генерала арміи Императора Юстиніана, и противъ господина Мармонтеля, Члена Французской Академіи, съ гербомъ вашимъ, поставленнымъ на двухъ мѣстахъ, покрытымъ большею шапкою и съ двумя шнурами каждой о пятнатцати кистяхъ, все подписано: Христофъ по милости Божіей, Латушъ, съ пріобщеннымъ на концѣ крючкомъ.

Мы Аглинскіе Епископы не выдаемъ иныхъ учрежденій, какъ касающихся до нашихъ откупщиковъ; и я вамъ признаюсь, Милордъ! чтобъ я въ вашемъ дѣлѣ желалъ нѣсколько больше Христіянскаго смиренія. Впрочемъ же я не понимаю, для чего вы въ надписи вашей принужденнымъ образомъ изъявляете, что вы проклинаете *господина Мармонтеля, Члена Французской Академіи.*

Естьли сочинители вашего учрежденія нашли, что Полководецъ

Импе-

Императора Юстиніана не такъ изъяснялся, какъ Теологу вашей церкви надобно: то, мнѣ кажется, довольно бы для васъ было и того, чтобъ вы оное сказали, не трогая притомъ и знатнаго собранія, составленнаго изъ Принцовъ крови, Кардиналовъ, Прелатовъ, такъ какъ бы Герцоговъ и Парламентскихъ Членовъ, Маршаловъ Французскихъ, главныхъ правителей и ученыхъ людей наиславнѣйшихъ. Я думаю, что Французская Академія не имѣетъ никакого дѣла до вашихъ Теологическихъ споровъ.

Позвольте мнѣ вамъ сказать, что естьли бы мы выдавали учрежденія въ таковыхъ случаяхъ, то бы мы сами оныя сочиняли. Я досадовалъ, что сочинитель вашъ проклялъ слѣдующее предложеніе сего великаго Генерала Велисара: *Богъ страшенъ злымъ, тому я вѣрю, но я хорошъ.* Я васъ увѣряю, Милордъ! что естьли бы нашъ Король, которой глава нашей церкви, сказалъ: *я хорошъ*, то бы мы не издали противъ его учрежденія. *Я хорошъ*, столько же, кажется мнѣ, во всѣхъ земляхъ значитъ.

читъ, какъ я имѣю доброе сердце, я люблю добро, я люблю справедливость, я хочу, чтобъ мои подданные были благополучны. И такъ не нахожу причины, чтобъ за то быть прокляту, что имѣешь хорошее сердце. Король Французскій, какъ весь свѣтъ говоритъ, весьма хорошъ и толь хорошъ, что онъ вамъ простилъ повторительныя непослушанія, которыя Францію смутили, и кои вся Европа не почла за знакъ хорошаго разума. Вы безъ сомнѣнія довольно хороши, чтобъ объ немъ притти въ разкаяніе.

Мы не видимъ, чтобъ Велисаръ былъ достоинъ ада за то, что сказалъ, что онъ хорошій человѣкъ. Вы утверждаете, что сіе добро есть еретичество, потому что Святый Апостолъ Петръ въ первомъ своемъ посланіи гл. V. ст. 5. сказалъ: *Богъ гордымъ противится*. Но сочинитель вашего учрежденія не думалъ совсѣмъ о томъ, что онъ писалъ. Правда, что Богъ противится; сопротивленіе прилично Богу. Но кому онъ противится, по словеси Святаго Апостола Пет-

Петра? Прочтите пожалуйте начало, и вы увидите, что онъ противится священникамъ, худо пасущимъ свои стада, а особливо юнымъ, не повинующимся старцамъ. *Юни! повинитеся старцамъ*, говоритъ онъ, *вси же другъ другу повинующеся смиренномудріе стяжите: зане Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.*

И такъ вопрошаю я васъ, какое средство есть между симъ сопротивленіемъ Божіимъ и добрымъ сердцемъ Велисаровымъ? Полезно выхвалять смиренномудріе, но не забыть притомъ похвалить и здраваго разсудка.

Весьма тому дивятся, что вашъ сочинитель опорочивалъ сіе человѣколюбивое и естественное выраженіе Велисарово: развѣ необходимо *надобно, чтобъ столь много было отлашенныхъ*? Вы не токмо не хотите, чтобъ Велисаръ былъ хорошъ; но вы еще желаете, чтобъ и Богъ милосердія не былъ хорошъ. Какое вамъ въ томъ удовольствіе, когда весь свѣтъ будетъ проклятъ? Мы на своемъ островѣ не такъ жестокосер-

сердцы. Предокъ нашъ великой Тиллотзонъ, будучи признанъ за наиразумнѣйшаго и наименьше красноръчиваго предиканта Европы, почти всѣ предики свои говорилъ такъ, какъ Велисаръ. Вы мнѣ позволите здѣсь взять его сторону. Будьте прокляты, Милордъ! естьли вы того хотите; но я вамъ изъясняю, что я не токмо самъ онаго не хочу, но и пріятелямъ моимъ того не желаю; надобно имѣть нѣсколько Христіянской любви. Я бы имѣлъ и еще что сказать вашему сочинителю; а особливо совѣтовалъ бы я ему, чтобъ онъ въ сочиненіяхъ своихъ не столь былъ плодовитъ. Пространство въ учрежденіяхъ весьма не годится: сей толь нужной предметъ не очень въ вашей землѣ наблюдается.

Симъ препоручаю васъ, любезной братъ! милости Божіей, хотя слово хорошій вамъ толь и противно.

Вашъ хорошій собратъ

Архіепископъ Канторбергскій.

P. S. Когда вы будете писать къ Епископу Римскому, прошу засви-

свидѣтельствовать отъ меня ему поклонъ; я къ нему въ достоинствѣ брата имѣю всегда большее почтеніе. Увѣдомляютъ меня, что онъ предъ недавнымъ временемъ имѣлъ нѣкоторыя небольшія досады. Неаполитанская лошадь дала ужасной ударъ ногою его ослицѣ, Венеціанская барка весьма пощипала барку Святаго Петра, сыръ пармезанъ сдѣлалъ ему чрезвычайной запоръ. Мнѣ сего жаль: сказываютъ, что онъ хорошій человѣкъ; простите меня въ семъ словѣ. Я весьма зналъ его отца во время путешествія моего въ Италіи: онъ былъ хорошій банкиръ; но мнѣ кажется, что онъ не умѣетъ хорошо вести своего щета.

КОНЕЦЪ.